

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ПРОПАВШИЙ ГОЛОС

Черная кошка

Николай Леонов

Пропавший голос

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Пропавший голос / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2021 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-120599-7

В полицию обратилась мать девятнадцатилетней Ольги. Полгода назад девушка уехала в Москву на конкурс «Голос года» и пропала. Она иногда писала сообщения и звонила, но мать чувствовала, что с дочерью случилась беда. Подозрения усилились, когда Ольга попросила выслать ей крупную сумму денег... Сыщик Гуров выясняет, что никакого кастинга не было. Ольгу либо насильно удерживают и вымогают деньги, либо она уже мертва, и мошенники пользуются ее именем. Из соцсетей Гуров узнает, что Ольга – не единственная жертва подобного обмана. Одной из похищенных девушек удалось сделать фотографию с фрагментом номера машины преступников. Это серьезная зацепка, но к чему она приведет – не догадывается даже Гуров...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120599-7

© Леонов Н. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пропавший голос	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Николай Иванович Леонов,
Алексей Викторович Макеев
Пропавший голос**

© Макеев А.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пропавший голос

Глава 1

Какая же она огромная, эта Москва. Идешь-идешь, а ей конца-края не видно. Уже и ноги затекли, и шея по сторонам крутиться устала, а до метро еще шагать и шагать. В родном Мурманске все иначе. Проще, что ли, привычнее. А может, дело не в размерах? Может, ноги отказываются идти от того, что на сердце груз в три тонны? Нести его тяжело, больно и страшно. Но она выдержала бы, знать бы только, туда ли несет?

В Москву Зинаида Гилимовна попала впервые. Прежде у нее не было нужды по столицам раскатывать, да и желания такого не возникало. В Мурманск она приехала в восемь лет. Отец устроился на судоремонтный завод и перевез всю семью из пыльных степей Казахстана в легендарный северный город-порт. Здесь Зиночка Ахметова окончила десятилетку, вышла замуж за красавца-капитана Виталия Лахновского, родила дочь и считала себя абсолютно счастливым человеком.

А вот дочь Зинаиды Гилимовны Мурманск ненавидела всеми фибрами души. Не по душе ей здесь было буквально все: воздух, природа, дома, люди, пища, обычаи и традиции, и даже безобидные привычки местных жителей. Олюня, папина дочка, не знала отказа ни в чем и была взращена на рассказах отца, капитана дальнего плавания, о европейских городах, о нравах, культуре и высоком уровне жизни их обитателей.

Олюня мечтала, как вырастет и переедет в столицу, а там, кто знает, быть может, и в Европу переберется. Главное, вырваться из этого захолустья, пропахшего мороженой рыбой и солью.

Отец всячески поддерживал стремление дочери, а потом, в один прекрасный день, взял и умер. Остались они один на один с суровой действительностью. Олюне тогда едва четырнадцать сравнялось.

Зинаиде Гилимовне в ее тридцать три с хвостиком пришлось идти работать на рыбокомбинат. А куда еще пойдешь, если образование – десятилетка, а опыт работы – ноль дней, ноль часов?

Олюню семейная трагедия повергла в шок. Два года она ходила, как сомнамбула, ни желаний, ни стремлений. Потом потихоньку начала в себя приходить. Окончила школу, попыталась поступить в какой-то московский институт, но с треском провалилась. Ей пришлось вернуться в ненавистный Мурманск. Здесь она училась, получила специальность социального педагога.

Когда Олюня примчалась к матери и заявила, что прошла отбор, уезжает в Москву и будет там петь, Зинаида Гилимовна восторга не испытала, но дочь поддержала. Любая мать на ее месте поступила бы точно так же. А как иначе, если появился первый за пять лет проблеск надежды на то, что дочь наконец-то обретет почву под ногами, найдет стимул жить и радоваться жизни? Опасения она все же высказала, но Олюня чмокнула ее в щеку, чего не делала с детсадовского возраста, и заверила в том, что в случае неудачи тут же вернется домой.

Шесть месяцев Олюня покоряла столицу, сто восемьдесят дней трудилась по двадцать часов в сутки. Короткие послания урывками, звонки раз в месяц по тридцать секунд. А потом это...

После смерти кормильца финансовое состояние семьи Лахновских оставляло желать лучшего. Какие-то сбережения у Зинаиды Гилимовны имелись, но даже Олюня знала, что это на самый крайний случай. Уезжая в столицу, дочь заверила мать в том, что деньгами ее поддерживать не придется. Дескать, сама не маленькая, разберусь.

Спустя две недели в Мурманск пришло первое послание с просьбой выслать денег. Зинаида Гилимовна понимала, что жизнь в столице стоит дорого, а ей одной больших денег не нужно. Упрекать дочь она не стала, просто выслала столько, сколько та просила. После этого просьбы такого рода начали приходить регулярно, и Зинаида Гилимовна все их удовлетворяла.

Но сумма, которую дочь запросила в очередной раз, превышала месячный доход женщины раз в десять. Даже в неприкосновенной кубышке столько не было. Олюня не могла не знать об этом. Так почему она просит у матери то, что она ей дать не может?

Зинаида Гилимовна рассердилась, потом расстроилась, а в конце концов решила, что с нее хватит. Она поедет в Москву, поговорит с дочерью и заберет ее домой.

Сказано – сделано. На комбинате она оформила отпуск, благо отгулов у нее накопилось прилично, купила билет на самолет и через два с половиной часа была в столице. Адрес дочь еще перед отъездом написала на листке и положила в шкатулку.

Интернетом Зинаида Гилимовна пользовалась редко, но здесь не поленилась, карту изучила, маршрут от аэропорта проложила, так что сложностей не ожидала. Однако они сами собой организовались.

До станции метро «Марьино» она доехала быстро, там прошла до парка, дальше двинулась по Поречной улице, недалеко от православного храма свернула во дворы, там спросила у людей, правильно ли выбрала маршрут. Ей подтвердили, мол, все верно, Перервинский бульвар как раз здесь и находится.

Дом женщина тоже быстро нашла, а вот дальше все перевернулось с ног на голову. По тому адресу, который был указан в записке, квартиры никто не сдавал. Ольгу, приехавшую из Мурманска, здесь знать не знали.

Зинаида Гилимовна вышла во двор, села на скамейку, стала думать.

«Может, номер дома указан неверно? Или квартира? Я название улицы не так прочитала? А вдруг в Москве несколько бульваров с одинаковым названием? Есть проезд, тупик, или что там еще бывает? Надо искать. Не может быть, чтобы за столько месяцев дочь не сказала мне, что жилье сменила. – Мать достала записку, минут десять вертела ее так и эдак, а толку ноль. – У Олюни почерк на удивление красивый и разборчивый. Даже второпях она всегда пишет аккуратно.

Что же теперь делать? Куда идти? Вернуться в Мурманск, не повидавшись с дочерью, я уже не могу.

Ее номер у меня есть, но позвонить ей я не могу. Она не ответит на вызов. Ведь у Олюни теперь все по-новому, по-современному. Мобильные телефоны – прошлый век. Так она мне заявила, как только в Москве обосновалась. Дескать, теперь только лохи за сотовую связь платят, настоящие москвичи пользуются интернет-сервисами, будь они неладны.

Спокойно, Зинаида, без паники. Нет такой проблемы, которую ты не решила бы, – по привычке, обретенной после смерти мужа, принялась убеждать себя Зинаида Гилимовна. – Уж если ты нашла в себе силы Виталика в могилу опустить, то и с этим справишься».

Муж для Зинаиды Гилимовны был целой вселенной, ее воздухом, солнцем, жизнью. Его смерть означала конец всему. Так она думала, чувствовала и принимать удар судьбы совершенно не желала.

«Но у меня осталась Ольга. Это, как ни крути, обязывает меня забыть о своих страданиях и стать для дочери надежной опорой. Тогда, много лет назад, стоя у могильной плиты, я поклялась мужу, что буду сильной. Ради него, дочери, себя. Наверное, пришло время исполнять эту клятву.

Да вот только с чего начать? Сидя на скамейке, проблему точно не решишь. И совета спросить не у кого, нет у меня в столице друзей-приятелей. Сердце подсказывает, что с дочерью случилась беда, причем такая, которую своими силами не справишь. Шесть месяцев она в

чужом городе. Одному богу известно, что за столь долгий срок ей пришлось пережить. Ох, Олюня, доченька, и чего тебе в родном доме не жилось?»

Тут будто в ответ на немой крик матери в ее сумке заработал телефон. От неожиданности Зинаида Гилимовна вздрогнула, через мгновение сообразила, что это такое, потянулась к сумке, достала мобильник, взглянула на дисплей и вздрогнула. На экране высветилось имя дочери.

К общению с ней она была совершенно не готова. Что говорить? Как реагировать? Рассказать про свое открытие или сделать вид, что ничего не произошло?

Зинаида Гилимовна сжимала в руке телефон. Время шло, а она никак не могла сообразить, как себя вести. Сигнал прервался, и женщина тут же пожалела о своей медлительности. Вдруг звонок очень важен для дочери? А если он вообще последний?

– Не смей даже думать об этом! – Приказ, отданный самой себе, прозвучал вслух, но Зинаида Гилимовна этого не заметила.

Случайный прохожий оглянулся, покрутил пальцем у виска и поспешил дальше.

Зинаида Гилимовна сделала глубокий вдох.

«Нет, так дело не пойдет. Соберись немедленно, время для паники еще не пришло».

Не успела Зинаида Гилимовна перевести дух, как телефон зазвонил вновь. На этот раз она ответила без задержки.

– Привет, доченька, – произнесла мать бодрым голосом. – Я уж думала, пропущу звонок. Пока руки вытерла, кнопку нащупала, ты уже и сбросила вызов.

– Привет. У меня времени в обрез. Ты как?

Голос дочери звучал, как из космоса, с примесью посторонних металлических звуков, так, будто эти слова произносил не живой человек, а робот. Ольга как-то говорила, что программа так все искажает, но привыкнуть к этому Зинаида Гилимовна за полгода так и не смогла.

– Я в порядке. Вот уборкой решила заняться, – ответила Зинаида Гилимовна. – Октябрь в этом году на редкость слякотный. Только полы помоешь, и можно по новой начинать.

– Что насчет денег?

Нетерпение в голосе дочери обескураживало мать. Откуда вдруг? Никогда Олюня до денег охочей не была, а тут подступила, как с ножом к горлу.

– Оленька, ты же знаешь, какая у меня зарплата, – сказала Зинаида Гилимовна и вздохнула. – Третьего дня Ванька Рыжий набедокурил, так нас без премии оставили. Ты бы хоть сказала, для чего тебе вдруг понадобилась такая прорва денег.

– Надо. Срочно! – отрезала дочь. – Если бы могла обойтись, то...

Окончание этой фразы Зинаида Гилимовна не услышала. Какой-то посторонний шум заглушил речь дочери.

Мать дождалась, пока он утихнет, и попыталась вразумить Ольгу.

– Если Москва тебе так дорого обходится, то, может, вернешься домой? – робко проговорила она. – Вдруг я не наберу тебе денег?

– Только не говори мне, что у тебя их нет! – заявила дочь. – От этого мое счастье зависит, а ты жмешься.

– Счастье? Разве оно стоит денег? – Материнское сердце вскипело. – Groш цена такому счастью, которое за деньги покупают.

– Брось! Не начинай. – Теперь в голосе дочери звучало заметное раздражение. – Мне за квартиру плату подняли, и еще я костюмы заказала. Сумма по столичным расценкам мизерная.

– А ты все там же живешь? На бульваре? Запомятовала название, – внезапно спросила Зинаида Гилимовна.

– Там же, где еще? Почему ты спрашиваешь?

– Да просто так. Думала, может, стоит подешевле что поискать. – Зинаиде Гилимовне показалось, что в ее голосе зазвучали настороженные нотки, и она вдруг испугалась, что ступила на запретную территорию. – Наверное, не обязательно у этих киношных жильё внаем брать. У других людей оно может быть дешевле.

– Откуда тебе знать? Не умничай. Просто помоги мне...

Помехи стали такими сильными, что проглотили все остальные слова из этой фразы, но Зинаида Гилимовна переспрашивать не стала. Она вдруг четко осознала, что разговаривает не с Ольгой. Не может ее дочь так с ней поступать. Не она это, да и все тут!

Она пообещала достать деньги, наскоро закончила разговор, убрала телефон в сумку и призадумалась. Что могло произойти с ее послушной дочерью, а главное, как ей помочь? Она понимала, что нужно идти в полицию, но куда именно? Все ее познания на этот счет ограничивались некогда популярным фильмом про Глеба Жеглова и знаменитой, благодаря ему, Петровкой.

«Значит, пойдём туда», – решила Зинаида Гилимовна, поднялась со скамьи и отправилась на станцию метрополитена.

– Командировка? В Мурманск? С чего это вдруг она тебе понадобилась?

– Вашими стараниями, товарищ генерал, исключительно ими самыми!

– Ты мне тут не умничай! По командировкам моих распоряжений не было, тем более в Мурманск. Насколько я помню, речь шла о московском деле, разве нет?

– Как выяснилось, нет.

Спор между полковником Гуровым и его непосредственным начальником генерал-лейтенантом Орловым происходил в кабинете последнего, за четверть часа до окончания рабочего дня, первого в этой неделе. Для генерала день оказался не самым удачным. Он мечтал лишь о том, чтобы тот наконец-то закончился. Но тут на пороге появился Гуров, и о спокойном завершении вечера можно было забыть.

Гуров и сам готов был рвать и метать. Он пришел на службу в восемь утра, рассчитывал не просто на размеренный, наполненный неспешной бумажной работой день, но, при определенной доле везения, на целую спокойную неделю. А что в итоге? Суток не прошло, как его мечты рассыпались, словно карточный домик. Причем с подачи того самого человека, который обещал ему заслуженный отдых и более-менее легкую неделю.

– Докладывай! – Генерал понял, что быстро от Гурова не отделается, и откинулся на спинку кресла, предполагая, что доклад будет долгим. – Посмотрим, что там за проблема.

Он не ошибся, полковнику Гурову было чем поделиться с начальством. Без четверти два он вернулся с обеденного перерыва, который против своего обыкновения провел в кафетерии, расположенном на соседней улице. Возле стойки дежурного по управлению стояла немолодая на вид женщина. Дамская сумка необъятных размеров висела на левой руке. Правой эта особа яростно жестикулировала, пытаясь донести до понимания дежурного всю важность событий, которые привели ее сюда.

Дежурный с утомленным видом внимал словам женщины, старательно делал вид, что проблемы, о которых она говорила, важны для него так же, как и для нее. Получалось у него не очень, что заставляло женщину жестикулировать все ожесточеннее. Повышать голос она, по всей видимости, считала дурным тоном, поэтому со стороны сцена выглядела весьма комично.

Женщина загородила проход через вертушку, поэтому Гурову пришлось слегка подвинуть ее в сторону. Он вежливо извинился и собрался пройти мимо, но дежурный вдруг оживился.

– Товарищ полковник, тут у нас проблемка возникла, – сказал он. – Посодействуйте!

– Какая? – нехотя спросил Гуров.

Капитана Севрюжного, который нес сегодня дежурство, он недолюбливал за странную манеру общения, больше смахивающую на подхалимаж, и за патологическое нежелание работать.

– Да вот заявительница у нас. Говорит, дочь у нее пропала, – ответил капитан.

– Отправьте ее к следователю, – сказал Гуров и пожал плечами. – Кто сегодня дежурит?

– В том-то и дело, что он занят. У него уже очередь из заявителей. – Капитан махнул рукой в сторону коридора, где сидели в креслах три человека. – А гражданка утверждает, что ей срочно. Что делать-то?

– Позвони генералу, пусть он распорядится, – совершенно серьезным тоном посоветовал ему Гуров и пошел в кабинет.

Эти слова вышли ему боком. Олух Севрюжный реально позвонил генералу и попросил помощи. Тот в свою очередь полюбопытствовал, кто надоумил капитана обратиться к нему, получил честный ответ и тут же решил достойно ответить на такую шутку.

Не успел Гуров папки на столе разложить, как в дверях появился капитан Севрюжный, весьма довольный собой.

– Лев Иванович, товарищ генерал велел это дело вам поручить, – заявил он и втолкнул в кабинет вконец растерявшуюся женщину.

С этого и начались проблемы. Отказать генералу Гуров никак не мог, поэтому усадил заявительницу на стул для посетителей и начал задавать стандартные вопросы. Он попросил ее представиться, изучил паспорт, предъявленный для подтверждения личности, внес данные в протокол и попросил изложить суть проблемы. От дежурного он уже слышал, что у этой женщины пропала дочь, но надеялся на то, что ему повезет, этот случай окажется банальной семейной размолвкой. Такое часто случается. Дети, достигнув совершеннолетия, начинают считать, что больше не нуждаются в опеке родителей, и пускаются во все тяжкие.

Ему не повезло. Мать с дочерью не ссорилась. Та не устраивала демаршей со сбором сумок и угрозами больше никогда не возвращаться в родительский дом.

Помимо этого, обнаружилась другая, куда более реальная проблема. В ходе разговора выяснилось, что дочь, как и сама заявительница, на постоянной основе проживает в городе Мурманске. По факту выходило, что пропала она именно оттуда, да и вся история началась в этом заполярном портовом городе, а вовсе не в столице. На то, чтобы это выяснить, у Гурова ушло больше получаса. От волнения женщина путалась, перескакивала с одного на другое. Ее рассказ звучал настолько сбивчиво, что в итоге сыщику пришлось прервать заявительницу.

– Я понимаю ваше волнение, но так дело не пойдет, – проговорил он, положив руку на ее сцепленные ладони. – Для того чтобы я мог вам помочь, мне нужна четкая картина всего того, что произошло. Вы это понимаете?

– Понимаю. Я и пытаюсь ничего не упустить. Видимо, получается плохо. – Женщина изо всех сил старалась сдержаться, но не смогла.

Она не зарыдала, не стала закрывать лицо ладонями, заламывать руки или раскачиваться из стороны в сторону. Слезы обильным потоком полились по ее щекам, а она просто сидела и ждала, пока поток иссякнет. Это лишь подчеркивало всю степень отчаяния женщины.

Гуров выдвинул верхний ящик стола, достал коробку с салфетками, сунул ей в руку. Она машинально обхватила ее ладонью и продолжала сидеть без движения.

Полковник поднялся, налил из графина воды в стакан, протянул женщине.

– Выпейте! – приказал он. – Весь стакан.

Она послушно выпила воду.

Гуров забрал у нее стакан, поставил на поднос, вернулся на место и спросил:

– Позвать врача? Он даст вам успокоительное.

– Нет, спасибо. Я справлюсь, – ответила женщина и смахнула слезы с лица. – Дайте мне еще пару минут.

Гуров откинулся на спинку кресла и стал ждать. Это время он потратил на изучение внешности своей собеседницы. По документам выходило, что ей не было и сорока, а на вид – никак не меньше пятидесяти. Дело тут было не в старомодной одежде, не в отсутствии косметики и прически. Она явно махнула на себя рукой, но даже в этом случае могла бы считаться вполне симпатичной, если бы не взгляд, полный уныния и скорби. Конечно, обстоятельства, благодаря которым эта особа оказалась на Петровке, не располагали к веселью, но Гуров все же склонялся к тому, что ее взгляд стал таковым задолго до их встречи.

На то, чтобы прийти в себя, ей понадобилось меньше двух минут.

Салфетками она так и не воспользовалась, лицо вытерла по-деревенски, краем рукава, коробку поставила на стол, посмотрела полковнику прямо в глаза и сказала:

– Помогите мне.

Гуров понял, что она имела в виду. Сейчас речь шла не о поисках пропавшей дочери. Женщина просила его помочь ей справиться с ситуацией, собраться с мыслями, изложить суть дела четко и внятно.

– Я помогу, – негромко произнес Гуров. – Вам не нужно стараться вспомнить сразу все. Не пытайтесь выстроить плавный рассказ. Начните с самого начала и излагайте все последовательно, вплоть до сегодняшнего дня. Потом мы вместе подумаем, чего в вашем рассказе не хватает.

– Если с самого начала, то это будет очень долго, – задумчиво произнесла женщина.

– Пусть долго. Ничего страшного, – сказал Гуров.

Рассказ получился действительно долгим. Зинаида Гилимовна Лахновская начала с событий пятилетней давности, а закончила поездкой в столицу и рассказом о звонке, который, собственно, и привел ее на Петровку.

Несмотря на все старания Зинаиды Гилимовны, рассказ ее оказался на удивление неинформативным. Сведений, по-настоящему важных для дела, таких, от которых можно было бы оттолкнуться, сыщик не получил.

Ольга Лахновская, современная девушка с завышенными амбициями, которой сейчас было девятнадцать лет, с рождения проживала в городе Мурманске и мечтала переехать в столицу. Она обладала весьма посредственными способностями к точным наукам, зато, по мнению людей, окружающих ее, имела шикарный голос. На это Ольга и решила делать ставку, когда шесть месяцев назад записалась на прослушивание.

Зинаида Гилимовна знала лишь то, что в городе какие-то люди проводили кастинг, отбирали претендентов на масштабный конкурс певческих талантов. Дочь рассказала ей о своих планах только тогда, когда прошла все отборочные туры и получила приглашение в Москву. Кто занимался отбором, на каких условиях девушка была приглашена в столицу, за чей счет организовывалось проживание – ответов на эти вопросы у матери юного дарования не оказалось.

Девушка собрала сумку, опустошила копилку, средств в которой едва хватило на билет, и уехала. Матери она оставила адрес, по которому организаторы конкурса обещали обустроить ее. На этом все познания Зинаиды Гилимовны закончились.

Телефон дочери перестал работать спустя сутки, а то и раньше. Она не дождалась звонка от дочери, набрала ее номер и услышала дежурную фразу: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Волнения матери слегка рассеялись спустя неделю. Дочь наконец-то позвонила ей и сообщила, что отныне они будут общаться в новом формате. В столице, мол, за сотовую связь платить не модно, все вопросы здесь решаются через интернет. Мнения Зинаиды Гилимовны на этот счет дочь не спрашивала, так что возражать особого смысла не было.

Впрочем, Ольга ее без внимания не оставляла, присылала короткие сообщения, мол, все в порядке, тружусь. Раз в месяц дочь звонила матери. Связь была неважная, но поговорить им удавалось.

Когда от Ольги начали приходиться сообщения с просьбой выслать деньги, Зинаида Гилимовна не особо удивилась этому. Она знала, что жизнь в столице обходится куда дороже, чем могла себе представить девушка, неопытная в финансовых вопросах. Такие суммы, разумеется, били по карману, но ради дочери можно и потерпеть. Зинаида Гилимовна отсылала Ольге почти всю зарплату. Так продолжалось до начала октября, когда дочь, по мнению матери, перешла границы дозволенного.

Зинаида Гилимовна решила положить конец приключениям Ольги и приехала в Москву, чтобы забрать ее домой. Но жизнь, как очень часто случается, внесла в ее планы свои коррективы. Вот женщина и оказалась в Главном управлении уголовного розыска.

В кабинет генерала Орлова Гуров пришел спустя шесть часов после разговора с Лахновской. К этому времени он успел обработать большую часть полученной информации. Сыщик решил, что опасения заявительницы имеют под собой почву, но чтобы начать расследование, необходимо ехать туда, где все началось. Теперь ему предстояло убедить в этом генерала, настроенного, как оказалось, весьма скептически.

Предысторию тот выслушал спокойно, даже пару раз сочувственно головой покачал, мол, не повезло женщине с чадом, но, как только Гуров завел речь о необходимости ехать в Мурманск, тут же вспылал.

– Зачем делать преждевременные выводы? – оборвал начальник управления полковника на полуслове. – Ты еще здесь ничего не проверил. Наверняка история самая банальная.

– Не думаю, товарищ генерал. Только не в этот раз.

– Хорошо, давай рассуждать логически. – Орлов заметно сбавил тон. – Ольга Лахновская уехала из дома шесть месяцев назад. Так?

– Так точно. После майских праздников, – подтвердил Гуров этот факт.

– Все это время она регулярно общалась с матерью, не только писала ей сообщения, но и звонила. Так?

– Да, но это ничего не доказывает. Во-первых, на настоящий момент существует масса специальных программ, способных генерировать голос по нескольким фразам, записанным заранее. – Для большей убедительности Гуров начал загибать пальцы. – Во-вторых, каждый телефонный разговор длился не более минуты. Этого времени недостаточно для того, чтобы быть уверенным в том, что беседу ведет именно тот человек, именем которого он назвался. В-третьих, даже если в Мурманск звонила сама девушка, то мы не можем быть уверены в том, что ее к этому не принуждали.

– Как, впрочем, и в обратном, – заявил Орлов.

– Тут я вынужден не согласиться. Есть ряд определенных факторов, указывающих на то, что опасения матери не беспочвенны.

– Например? – Орлов явно не собирался сдаваться без боя.

– Давайте я просто продолжу доклад и озвучу все оперативно-разыскные мероприятия, которые проведены мною на настоящий момент, – устало предложил начальнику Гуров. – Если в итоге вы решите, что состав преступления в деле отсутствует, то я просто отправлю гражданку Лахновскую домой. Пусть мурманские коллеги разбираются с этой историей на месте.

– Разыскные мероприятия? Я думал, ты только с матерью успел пообщаться. – Орлов был явно удивлен.

– Петр Николаевич, вы меня столько лет знаете. – Гуров едва сдержался, чтобы осуждающе головой не покачать. – Неужели вы думали, что я пришел к вам, не отработав как следует все факты, которые имеются в моем распоряжении?

– Ладно, Лева, не лезь в бутылку. – Орлов перешел на неофициальное обращение. – Я прекрасно знаю, что поспешные выводы не в твоём стиле. Давай свои факты.

– Сначала я тоже думал, что девушка просто сбежала из ненавистного города в поисках красивой жизни, – начал Гуров издали, против своего обычая. – По словам матери выходит, что Мурманск барышне поперек горла встал, поэтому она оттуда и сбежала. Там она вела себя совсем по-другому, свои запросы по большей части удовлетворяла собственными силами. Стипендия – доход не большой, но стабильный. К тому же Ольга подрабатывала пением в тамошнем ночном клубе. Но одно дело Мурманск, и совсем другое – Москва. Не считала свои силы, провалилась в конкурсе, работы не нашла, а домой возвращаться не хочет.

– Хотелось бы ближе к делу. – Орлов выразительно постучал пальцем по циферблату наручных часов.

– Понял, – коротко проговорил Гуров. – Постараюсь покороче.

Он доложил генералу, что в рассказе Зинаиды Гилимовны его насторожили сразу несколько моментов.

Первый: зачем девушке отказываться от мобильной связи? Ради экономии? Сыщик уточнил этот вопрос у матери. Оказалось, что за это платила не Ольга, а она. Вне зависимости от того, пользовалась дочь аппаратом или нет, сумма не менялась. Тариф был подключен на два номера. Тогда зачем от него отказываться?

Второй вопрос: почему девушка дала матери неверный адрес? Было бы понятно, если бы она просто поменяла место жительства, но ведь в той квартире, о которой знала Зинаида Гилимовна, Ольга не жила ни одного дня. Если с этим не сложилось изначально, то почему бы так и не сказать матери? Если бы дочь не хотела, чтобы та знала, где ее искать, то не говорила бы ничего изначально.

Следующая тема: сама суть поездки. Девушка улетела в Москву якобы для того, чтобы участвовать в грандиозном телевизионном проекте под названием «Голос года». Почему же за шесть месяцев ее ни разу не показали в эфире? Мать передачи не видела, ее знакомые в Мурманске тоже. А ведь подобные мероприятия широко освещаются в прессе, все этапы подготовки снимаются и транслируются как развлекательные телешоу. По сути дела, это их главная цель: не открыть новых звезд, а привлечь внимание зрителя.

Гуров проконсультировался со знающими людьми и по этому вопросу. Их ответ его не удивил. В Останкино телешоу под таким названием не снималось.

Все это дало сыщику пищу для размышлений и первых шагов расследования. В первую очередь Лев Иванович обратился к ребятам из технического отдела. Он надеялся, что те смогут отследить телефонный звонок, который приняла Зинаида Гилимовна непосредственно перед приходом в управление.

Здесь его ждало первое разочарование. Звонок на номер Лахновской был сделан через интернет. Айтишники объяснили сыщику, что выяснить физический адрес местонахождения оборудования, с которого произведен вызов, можно только в том случае, если у абонента подключен статический адрес. Такого не оказалось. Поэтому проследить, где был набран номер, спецам не удалось.

Они же сообщили Гурову, что подобными бесплатными сервисами, как правило, пользуются мошенники всех мастей. Новая фишка у них. Пока за руку не поймаешь, доказать ничего невозможно, вот они этим и пользуются. Данное замечание полковник взял на заметку.

Адрес с записки сыщик тоже не поленился пробить. Он связался с начальником отдела полиции Марьянского района, попросил того послать толкового человека для выяснения всех обстоятельств и через час получил ответ. В шестой квартире дома номер четырнадцать по Перервенскому бульвару вот уже двенадцать лет проживает семейная пара с двумя детьми. Граждане вполне законопослушные, ни в каких противоправных действиях не замеченные. Квартирантов не пускают, живут по средствам и от надзорных органов нареканий не имеют.

Чтобы отследить движение денежных средств на картах Лахновской, необходимо было получить разрешение от прокурора. Однако запрос на него можно было подать только после возбуждения уголовного дела. В данном случае проблема заключалась в том, что состав преступления зафиксирован не был. Гуров располагал одними только предположениями обеспокоенной матери. Тот факт, что за шесть месяцев женщина в общей сложности перевела на банковский счет дочери более ста тысяч, основанием для возбуждения дела служить не мог. На данный момент в истории Ольги Лахновской не было ничего, что можно было бы квалифицировать как преступление.

Но все же Гуров считал, что оно имеет место. По каким признакам он это определил? Слишком много вранья и несостыковок для простого желания пожить самостоятельно за чужой счет. Глупо, грубо и недальновидно. Так коротко можно было оценить поведение девушки, если исходить из предположения, что все это придумала и провернула она сама.

– Пока ты меня не убедил, – выслушав Гурова, заявил генерал. – Все твои розыскные мероприятия доказывают одно. Девчонка сбежала. Связь с матерью она окончательно не рвет, потому что надеется получить от нее большой куш.

– Нет, Петр Николаевич, тут дело совсем в другом, – заявил Гуров.

– Тогда изложи свою версию, – потребовал Орлов.

– Девушка попала в руки мошенников. Они обманом заманили ее в Москву, а теперь силой удерживают, чтобы вытягивать деньги из матери. Сперва это были мелкие суммы, так сказать, для пристрелки. Теперь преступники узнали о существовании у Зинаиды Гилимовны сбережений на черный день и решили завладеть ими. Как только мать переведет деньги, ее дочь будет им больше неинтересна. Скорее всего, они от нее избавятся. Еще я думаю, что Ольга Лахновская – не единственная девушка, попавшаяся в сети этих субъектов. Ради нескольких десятков тысяч глобальные аферы никто не организывает. Вот почему я считаю, что нужно ехать в Мурманск.

– Думаешь, что найдешь там другие жертвы? – высказал Орлов предположение.

– Напротив, надеюсь, что больше не найду ни одной.

– Поясни.

– Если кастинг проводился с целью набрать людей для конкурса, то приглашение должны были получить по меньшей мере три человека. По количеству призовых мест, – объяснил свои соображения полковник. – Если же действовали мошенники, то Ольга окажется единственной жертвой.

– Почему так? Ведь несколько дойных коров всегда лучше, чем одна. – Суть рассуждений Льва Ивановича до Орлова явно не дошла.

– Потому что так будет слишком заметно, – спокойно ответил Гуров. – Несколько человек из Мурманска уехали в Москву и пропали, да? Нет, это слишком рискованно. Город не самый большой, молодежь в социальных сетях активно общается. Исчезновение нескольких человек обязательно будет замечено. Один слово сказал, второй подхватил, до родственников слухи дойдут, они шум поднимут. Будь я на месте мошенников, остановился бы на одной жертве.

– Ох, Гуров, любишь ты запутанные дела, – заявил Орлов.

Он понимал, что в словах полковника есть резон и отмахнуться от его предположений теперь не получится.

– Что прикажешь делать мне? По какой статье расходов пускать твою командировку? Поездка-то в копеечку выльется.

– Запрос ничего не даст, Петя. Я уже обдумывал этот вопрос. Максимум, что сделают мурманские коллеги, это найдут место, где арендовали помещение мошенники. Мне же важно выяснить, попался ли кто-то еще на их крючок или нет. Кастинг был реальным или преступники его лишь изображали?

– Так ты же в Останкино обращался, – проговорил генерал-лейтенант.

– Возможно, девушка приукрасила действительность. Сказала матери, что едет в Москву, а сама находится в каком-то другом городе, где действительно снимается шоу. Или же ее работа вовсе не связана с пением. Короче, на месте нужно разбираться.

– Когда ехать планируешь?

– Самолет в половине первого ночи, – ответил Гуров.

– Утреннего рейса нет? Прилетишь в Мурманск ночью, в аэропорту торчать будешь?

– Зинаида Гилимовна приютит, – сказал сыщик и улыбнулся впервые с начала разговора.

– Ты и с ней уже договорился? – Орлов усмехнулся. – Ну ты и пройдоха, Гуров! Колись, заранее знал, чем наш разговор закончится?

– Как еще он мог закончиться, товарищ генерал? Дело-то, похоже, серьезное, – ответил сыщик. – В вашем решении я ни минуты не сомневался.

– Иди, оформляй командировку, подхалим. Верочке скажи, что я велел ускорить это дело.

Глава 2

Мурманск встретил полковника и его спутницу дождем и слякотью. Чтобы не трястись час в автобусе по ночи и мерзкой погоде, Гуров решил заказать такси. Зинаида Гилимовна, уставшая от волнения и перелета, возражать не стала. Она продиктовала адрес, а когда подъехала машина, первой заняла место в салоне.

До улицы Генералова, на которой проживала Лахновская, они доехали за тридцать минут. Зинаида Гилимовна указала рукой направление и пошла вперед. Разговаривать ей совершенно не хотелось. Оказавшись в квартире, она наскоро показала, где располагаются удобства, выделила полковнику постельное белье и полотенце, выставила на кухонный стол кое-что из съестного, извинилась и ушла спать. Гуров есть не стал, принял душ, постелил постель и последовал примеру хозяйки.

Утром оба проспали. Полковник сквозь сон услышал плач ребенка за стеной, нехотя взглянул на часы и ужаснулся. Без четверти десять! Он поднялся с постели и помчался в ванную.

«Это надо же было так облажаться, – одеваясь, думал Лев Иванович. – На день приехать для проведения расследования и половину этого времени проспать! Такого со мной еще не случилось».

Его суматошная беготня разбудила хозяйку. Зинаида Гилимовна вышла из спальни, прошлепала босыми ногами на кухню, принялась что-то стряпать.

– Зинаида Гилимовна, чайку не найдется? – спросил Гуров, заглянув к ней.

– Садитесь, сейчас завтрак будет, – предложила ему женщина.

– Спасибо, я по пути перекушу, – сказал Лев Иванович. – Вот чайку бы выпил с удовольствием.

– Садитесь, нечего на ходу куски хватать, – чуть строже, чем следовало, произнесла хозяйка. – Все равно нам еще обсудить нужно, как день строить.

– Вы можете заниматься своими делами, – заявил сыщик. – Ваша помощь мне больше не понадобится.

– Это как? Почему не понадобится? – Зинаида Гилимовна подняла на полковника растерянный взгляд.

– Так мы же вчера все обсудили, – ответил Гуров. – Пока в самолете летели.

– Вы имеете в виду адреса подруг Олюни, – вспомнила Зинаида Гилимовна. – Так я про другое. Надо же что-то делать!

– Мы и делаем. – Гуров взял из рук хозяйки чашку с чаем и продолжил: – Сегодня я пообщаюсь с подругами Ольги, съезжу в Дом культуры и выясню, что за кастинг у них проходил.

– Вы в какой именно поедете? – осведомилась Зинаида Гилимовна.

– Что значит «в какой»? – спросил Гуров. – В ваш Дом культуры. Или он у вас по-другому называется?

– Так у нас их несколько. Почти все гастролеров принимают.

Ответ Зинаиды Гилимовны поставил Гурова в тупик.

– Я думал, у вас один Дом культуры, – честно признался он. – Значит, моя задача несколько усложняется.

– Хотите, я Олиным подругам позвоню и узнаю, где именно проходил конкурс? – предложила ему Зинаида Гилимовна.

– Не стоит, – отказался Гуров. – Мне все равно к ним ехать. Вот уж если сам не справлюсь с задачей, тогда к вам обращусь.

– Хорошо, буду ждать, – вынуждена была согласиться хозяйка.

Гуров допил чай и вышел на улицу. В чужом городе, да еще без машины, он чувствовал себя не слишком комфортно. Вчера сыщик с помощью Зинаиды Гилимовны составил примерный маршрут, который ему предстояло сейчас пройти. Подруг у Ольги оказалось немного: две одноклассницы, с которыми она общалась и после окончания школы, и одна однокурсница по институту. Тот факт, что Зинаида Гилимовна знала не только их телефоны, но и адреса, говорил в пользу версии о том, что между матерью и дочерью были достаточно доверительные отношения. По крайней мере до того момента, как она решила уехать из Мурманска.

Созвониться заранее с девушками не получилось по времени, а от предложения Зинаиды Гилимовны пригласить их к ней домой Гуров отказался. Ему не хотелось вести разговор в присутствии матери Ольги. Как ни крути, а насчет кастинга она умолчала, так что подруги могли не пожелать откровенничать при ней на эту тему.

Первой в списке значилась однокурсница Ольги Наталья Бортко. Не потому, что считалась лучшей подругой, а потому, что жила совсем близко от дома Лахновских, всего в какой-то паре кварталов. До нее Гуров решил прогуляться пешком.

По дороге он набрал номер. Девушка оказалась дома. Узнав, по какому вопросу звонит ей полковник полиции, она заволновалась, но от встречи не отказалась, только попросила в квартиру не подниматься, а подождать ее у подъезда. Ждать пришлось прилично.

Лев Иванович прошел два квартала, отыскал нужный дом и еще раз набрал номер Натальи. Та вышла из подъезда спустя десять минут после повторного звонка. Выглядела она шикарно, точно на званый ужин собиралась. Длинные волосы уложены в модную прическу, макияж свежий, наряд соответствующий. Дополняли ансамбль сапоги на высоком каблуке.

– Простите, у меня через полчаса встреча, – объяснила задержку Наталья. – Пришлось повозиться.

– Не критично, – отмахнулся от извинений Гуров. – Спасибо, что согласились встретиться.

– Я так поняла, речь пойдет о Лахновской, да? – спросила Наталья. – С ней что-то случилось?

– Это я у вас хотел узнать, – произнес Гуров.

– У меня? Я-то откуда могу знать? – Удивление в голосе Натальи звучало совершенно искренне. – Мы с ней с весны не виделись.

– Насколько я знаю, сейчас молодежь не вылезает из социальных сетей, – проговорил Лев Иванович. – Альтернатива живому общению.

– Нет, после ее отъезда мы с ней не переписывались.

– А здесь, в Мурманске, вы общались регулярно?

– Нет. Мы не были настолько близки, – ответила Наталья. – Оля писала мне только тогда, когда появлялась такая необходимость. А так, чтобы просто поболтать, почти никогда.

– Тогда следующий вопрос. Вы знали, что Ольга собирается уехать из Мурманска?

– Об этом все знали, – сказала Наталья и улыбнулась. – Она же всем уши прожужжала. Дескать, наконец-то мне удача улыбнулась. Скоро я стану настоящей москвичкой.

– Она прямо так и говорила? – спросил Гуров.

– Да, это ее слова.

– Откуда вдруг такая уверенность?

– Ее же в проект пригласили. Я думала, вы знаете об этом.

– Что за проект? Можете рассказать поподробнее?

– Да я толком и не помню. Какое-то шоу, очередной набор юных дарований. Проходишь отборочный тур и на год получаешь место в этом проекте.

– На год? Интересно. – Гуров нахмурился.

– Послушайте, я мало об этом знаю, – произнесла Наталья. – Мне все эти шоу всегда казались тупым разводом, так что я не особо вникала. В курсе только, что Ольга ходила на

кастинг и всех победила. Она у себя на страничке писала об этом. Все ее поздравляли, желали всяческих успехов.

– Могу я взглянуть на эту страничку?

– Так она ее потом удалила, все данные стерла, – сказала Наталья.

– Все полностью?

– Нет, страничка осталась. Там ее фотка и кое-какие старые записи. А про конкурс она все убрала.

– Нового ничего не выкладывала? Фото с подготовки к конкурсу, жизнь в Москве? – осведомился Гуров.

– Ничего, – ответила Наталья. – Я этому очень удивлялась. Надо же столько мечтать о столице и ни одной фотографии не выставить! Допустим, про конкурс нельзя, потому как правила там строгие. Но ведь должно у нее быть какое-то свободное время. Почему не похвастаться, не выложить снимок с Красной площади, с ВДНХ. Сразу было бы видно, что она в столице живет.

– Вы сами ей не писали? – полюбопытствовал Гуров.

– Представьте себе, писала, про фото спрашивала. Только она ничего не ответила. Ни на одно мое сообщение, ни словечка, ни смайлика. – Наталья озабоченно вздохнула. – Поэтому я и спросила у вас, все ли с ней в порядке.

– Это мы и пытаемся выяснить, – произнес сыщик. – Если вы не против, то я бы хотел задать вам еще несколько вопросов. Все они личного характера, но ответы на них весьма важны. В первую очередь для самой Ольги.

– Значит, с ее поездкой не все так радужно, как она мечтала, – сделала вывод Наталья. – Скажите, Ольга хоть жива?

– Надеюсь, – коротко ответил Гуров и сразу перешел к вопросам: – Скажите, Ольга говорила, кто проводит конкурс?

– Конечно! Победить в конкурсе от Первого канала, это очень круто! Сам Константин Эрнст тебе награду вручать будет, а не какой-нибудь Вася Пупкин. В звездной среде покрутиться, за одним столом с Пресняковым посидеть, пошутиться с Елкой.

– Сейчас вы слова Ольги передаете? – поинтересовался Гуров.

– Посты со странички цитирую. Она весной как загипнотизированная была, только о конкурсе и могла писать.

– Ольга говорила вам, где проводился кастинг?

– Вы имеете в виду, в каком клубе их прослушивали? Может, и говорила, да я не запомнила.

– Еще один вопрос. По вашему мнению, Ольга умела обращаться с деньгами?

– В каком смысле? – не поняла девушка.

– Тратила много или жила по средствам?

– Ольга-то? Да она у нас образцом экономии считалась. У всех стипендия за три дня расходится, а у нее все четко. Четыре конверта и все такое. – Наталья улыбнулась своим воспоминаниям. – В нашей группе что-то вроде анекдота ходило. Дескать, если у тебя нет денег, то ты знаешь, у кого занять.

– Однокурсники обращались к Ольге за деньгами?

– Конечно. Все знали, что у нее заначка есть. Она никогда не жадничала. Попросишь, всегда даст, если ты, конечно, возвращаешь вовремя.

– Скажите, если бы у Ольги что-то не сложилось в Москве, то она вернулась бы в Мурманск? – Задав этот вопрос, Гуров внимательно следил за реакцией девушки.

– Возможно, и не вернулась бы, да только об этом мы через полгода узнаем, – ответила Наталья. – Насколько я помню, она говорила, что шоу начнут транслировать только в феврале. В мае итоги, тогда все ясно будет.

– Такие условия озвучивали организаторы конкурса? – осведомился Гуров.

– Ну да. Она мне перед отъездом звонила, рассказывала, как там все замечательно продумано. – Наталья нетерпеливо переступила с ноги на ногу. – А у вас много еще вопросов? Боюсь на встречу опоздать.

– Важная встреча?

– На работу устраиваюсь, – ответила Наталья. – Место хорошее, не хотелось бы его упустить.

– Тогда у меня к вам последний вопрос, вернее, просьба, – проговорил Гуров. – Можете пересказать последний разговор с Ольгой?

– Времени много прошло, дословно не вспомню, – с сомнением в голосе произнесла Наталья.

– Вы все же попытайтесь, – попросил Гуров. – Это очень важно.

Наталья наморщила лоб, с полминуты думала, потом начала рассказывать.

Ольга позвонила ей сама, что делала крайне редко, сообщила, что все окончательно решилось, ее берут в проект. Год она проведет в Москве, на полном довольствии организаторов конкурса. Питание, проживание, обучение и сценические костюмы – все предоставит руководство Первого канала. Ей остается собрать деньги на дорогу и первоначальный взнос. Сказала, что жить будет на съемной однокомнатной квартире, вместе с еще какой-то конкурсанткой. Добираться далековато, но дорогу обещали компенсировать или предоставить транспорт. Питание на телестудии, какие-то талоны выдают, а потом, при любом исходе конкурса, предлагают места на участие в других проектах, так что она, может, в Москве и подольше задержится.

Наталье все это было интересно. Через несколько дней она позвонила подруге, хотела спросить, как у нее дела, но та не ответила на вызов. Номер оказался недоступен, и впоследствии Ольга не перезвонила. Больше связаться с ней Наталья не пыталась. Ей показалось обидным, что та перекрылась и даже весточки не прислала.

Выслушав этот рассказ, Гуров попросил разрешения в случае необходимости позвонить Наталье и получил ее согласие. На этом они расстались. Наталья побежала на остановку, отправилась улаживать свои дела, а Лев Иванович стоял на месте и раздумывал о своих делах.

В принципе, то, что хотел, он узнал от Натальи. Не считая места проведения кастинга. Стоило ли ему тратить время на личные встречи с остальными подругами?

Сыщик решил, что лишней эта информация не будет, и тоже пошел на остановку. Автобус, нужный ему, подошел буквально через минуту.

Через полчаса он уже общался с Татьяной, школьной подругой Ольги. Рассказ этой девушки мало чем отличался от того, что говорила Наталья. Она вспоминала все те же восторженные отзывы Ольги об организаторах конкурса, ее планы обосноваться в Москве.

Однако некоторые существенные различия все же были. Ольга поделилась с Татьяной планами относительно матери, сказала, что если ей самой удастся устроиться в столице, то она обязательно перевезет ее туда. Пусть, мол, хоть сколько-то времени поживет как человек. Еще она под большим секретом сообщила Татьяне, что вступительный взнос едва набрала.

Гуров поинтересовался, о какой сумме шла речь, а когда услышал ответ, тут же понял, что не напрасно приехал в Мурманск. За право участвовать в шоу Ольга заплатила сто тысяч рублей. Причем наличными. Татьяне она сказала, что копила деньги на поездку в Москву, хотела снова попытаться поступить в какой-нибудь престижный столичный вуз, получить второе высшее образование, но раз уж появилась такая возможность, то нечего скряжничать. Об этих деньгах мать Ольги не знала.

От Татьяны Гуров узнал, в каком клубе проходил кастинг. Ольга говорила ей, что оказалась не единственной конкурсанткой, получившей предложение участвовать в шоу, но только у нее нашлись деньги на оплату первоначального взноса. Всего было пять претенденток. Одно

имя Татьяна даже запомнила, потому что в школьные годы пересекалась с этой девушкой. Ее адрес Татьяна вспомнить не смогла, но сообщила сыщику, в какой школе та училась раньше.

Попрощавшись с Татьяной, Гуров решил сначала отыскать конкурсантку, а уже потом ехать в клуб. На поиски девушки у него ушло не так много времени, как он предполагал. В школе он обратился к заместителю директора. Эта дама увидела его удостоверение и тут же выдала ему адрес бывшей ученицы, при этом даже не спросила, зачем он понадобился сотруднику правоохранительных органов.

Спустя полчаса Лев Иванович уже звонил в дверь. Здесь ему тоже повезло. Смолькины до сих пор проживали по прежнему адресу. Несмотря на будний день, Настя оказалась дома.

Узнав о цели визита сыщика, девушка закатила глаза и недовольным тоном проговорила:

– Господи, сколько же можно? Стоит раз совершить глупость, и тебя затюкают!

– Не совсем понимаю причину вашего недовольства, – сказал Гуров и пожал плечами. – Надеюсь, вы меня просветите на этот счет. Можно войти?

– У отца разрешения спрашивайте, – заявила Настя, повернулась и крикнула куда-то в глубину квартиры: – Папа, тут опять из полиции пришли. Решили все-таки рассмотреть наше заявление.

– Не прошло и года, – прозвучал низкий голос, и из дальней комнаты вышел плотный, довольно высокий мужчина. – Пусть заходит, даже интересно, что они придумали на этот раз.

Такой прием Гурову был устроен не случайно. В ходе разговора с отцом и дочерью выяснилось, что шесть месяцев назад Смолькины подавали заявление в полицию на мошеннические действия устроителей конкурса. В отборочном туре Настя получила максимальное количество баллов, но услышала о вступительном взносе и сразу заподозрила неладное. Она рассказала все отцу, и тот заставил ее написать заявление в полицию, чтобы проверить правомочность действий устроителей конкурса.

К Смолькиным дважды приходил участковый, один раз – оперативный работник. Их вызывал к себе следователь, но ход делу так и не дал, сослался на недостаточность улик. Дескать, требование внесения вступительного взноса никаким образом не подтвердилось. Это только ваши слова, гражданка Смолькина. Больше никаких заявлений к нам не поступало, а сами устроители конкурса уже покинули Мурманск.

Анастасия Смолькина денег мошенникам не перевела. Поэтому состава преступления местные правоохранители в этом деле не усмотрели, даже несмотря на то, что забрать заявление Смолькины категорически отказались.

Все материалы дела, в том числе приметы мошенников, должны были храниться в полиции. Но Гуров решил не рисковать, не стал обращаться туда и попросил Настю описать внешность мошенников повторно, что та и сделала.

От Смолькиных Лев Иванович вышел в два часа дня и сразу направился в городской Дом культуры, где арендовали помещение устроители конкурса. Дело принимало все более серьезный оборот. Теперь уже Гуров не сомневался в том, что над Ольгой Лахновской нависла беда.

В городском Доме культуры сыщик поговорил с администратором. Тот несколько смущенно признал, что в мае текущего года сдавал помещение арендаторам, приехавшим из Москвы. Документы свидетельствовали о том, что эти люди снимали зал, пригодный для произведения звукозаписи, сроком на одну календарную неделю. Расплачивались они наличными средствами через кассу Дома культуры, общей суммой, внесенной авансом.

Покопавшись в архивах, администратор отыскал бумаги, предоставленные ему устроителями конкурса. Как и предполагал Гуров, они оказались чистой воды липой, сработанной

довольно кустарно. Мошенники не заморачивались на этот счет, и администратор объяснил сыщику, почему так вышло.

– В таких городах, как наш, с арендаторами негусто. Сдать помещение в аренду считается большой удачей, так что к формальностям здесь не придираются, – заявил он. – Городок у нас небольшой, существенных вливаний из бюджета нет, поэтому руководители местных клубов сдают помещения всем желающим, ищут хоть какие-то поступления на счет.

– Если какие-то люди платят деньги, то вам безразлично, чем они занимаются. Так я понимаю? – наседали на собеседника Гуров.

– Так они же кошек не режут и костры не палят, – заявил администратор, пытаясь оправдать действия руководства клуба. – Сняли помещение, провели лекции или отборочный тур, как в этом случае, и уехали. Физического вреда никому не нанесли.

– Но ведь вы должны были понимать, что недобросовестные арендаторы используют ваше помещение в преступных целях, – заявил Лев Иванович.

– Мы-то понимаем, но поймите и вы нас, – ответил на это администратор. – Тем людям, которые идут на все эти кастинги, недельные курсы какой-нибудь подготовки, лекции по обогащению и что там еще никто не запрещает проверять лицензии, правоустанавливающие документы и договоры у тех персонажей, которые все это устраивают. Они сами не хотят этого делать и деньги мошенникам тоже добровольно отдают. По крайней мере, так произошло в этом случае. Нам что, отговаривать их прикажете?

– Ладно, давайте оставим эту дискуссию, – сказал сыщик.

В какой-то степени он был согласен с администратором. В средствах массовой информации постоянно идет речь об этом, там освещаются все виды мошенничества, а люди все равно попадают на такие уловки.

– Сделайте мне копии всех документов. На этом мы с вами расстанемся, – проговорил Лев Иванович.

– Дадите делу ход? – с заметным беспокойством спросил администратор.

– С вами пусть местные правоохранительные структуры разбираются, – ответил Гуров. – У меня своих проблем хватает.

В отделение полиции полковник не поехал. Официальный запрос на предоставление доступа к материалам дела по заявлению Смолькиных он мог запросить из Москвы, а тратить время на бесполезные беседы ему не хотелось.

К третьей подруге Ольги сыщик решил тоже не ездить. Для успокоения души он пообщался с ней по телефону и на этом расследование в Мурманске счел законченным.

В квартиру Зинаиды Гилимовны Лев Иванович вернулся около пяти вечера. Чтобы успеть на восьмичасовой рейс, нужно было спешить, но разговора с Лахновской ему избежать не удалось.

Скорее всего, она ждала его возвращения, поглядывала в окно. Не успел Гуров нажать кнопку звонка, а Зинаида Гилимовна уже открыла дверь. Сыщик тут же прочел немой вопрос в ее глазах, понял, что парой слов здесь не обойтись, но не знал, что сказать этой женщине.

По всему выходило, что Ольга Лахновская оказалась жертвой мошенников. Они развели ее на сто тысяч еще в самом начале своей аферы. Сути их дальнейших действий полковник пока понять не мог. Все его мысли об этом на данный момент являлись всего лишь предположениями. Гуров считал, что не стоит делиться ими с матерью, и без того обеспокоенной. Тогда что ей сказать?

Зинаида Гилимовна ждала ответа. Ее интересовал результат сегодняшних походов полковника, и она явно была настроена решительно.

– Что вам удалось узнать? – спросила женщина, как только ее гость переступил порог. – Что-то прояснилось?

– В оперативной работе таких быстрых результатов ждать не следует, – уклончиво ответил Гуров, проходя в комнату. – На данном этапе я лишь собираю информацию, которую в дальнейшем можно будет использовать.

– Так какую же информацию вам удалось собрать? – допытывалась женщина.

– О том, что кастинг проходил по подложным документам, я узнал еще в Москве, здесь лишь еще раз убедился в этом. – Гуров старался говорить коротко, чтобы не вызвать потока дополнительных вопросов.

– Значит, Олюню в Москве никто не ждал? – Женщина быстро ухватила суть вопроса.

– Да, это так. Люди, пригласившие Ольгу в столицу, не имеют полномочий проводить кастинги от имени Первого канала, соответственно, не могут предложить кому бы то ни было место в реальном шоу.

– Я так и думала, – сказала Зинаида Гилимовна и тяжело опустилась на стул. – Я знала, что это нереально. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Надо было настоять, запретить дочери ехать в Москву. А я еще и деньги ей высылала.

– Вот это вы делали правильно, – заявил Гуров.

– Да как же правильно? Не было бы у нее денег, наверное, давно уже вернулась бы домой. Вот позвонит в следующий раз, я ей так и скажу. Мол, приезжай сюда. Тут будут тебе деньги.

– А вот этого делать не стоит, – проговорил Лев Иванович. – Мы не знаем, где сейчас находится Ольга, свободна ли она в своих передвижениях.

– Думаете, ее удерживают силой? – спросила Зинаида Гилимовна. – Господи, да что же такое творится в этом мире?

– Не нужно поддаваться панике, – попытался успокоить женщину полковник. – Это очень плохой советчик. Вам стоит набраться терпения и позволить нам во всем разобраться.

– Так что же мне теперь делать?

– Если дочь снова позвонит вам, то постарайтесь потянуть время. Скажите ей, что не можете набрать нужную сумму. Часть сбережений, отложенных на крайний случай, вам пришлось потратить на какой-то глобальный ремонт или на дорогостоящую покупку. Что-нибудь придумайте, сокройте, но денег не переводите, пока от нас не поступит разрешение на это. Вы должны будете сообщать мне о любом выходе дочери на связь. Я буду доступен для вас в любое время дня и ночи.

– Да какой же глобальный ремонт я могу вдруг затеять? – Зинаида Гилимовна заметно растерялась. – Нет, у меня не получится. Я врать не умею, не так воспитана.

– Придется научиться. А насчет денег мы сейчас что-нибудь придумаем. – Гуров огляделся, с минуту поразмыслил и выдал: – У вас горячая вода идет через газовую колонку. Этот момент и используйте.

– Каким образом? – не поняла женщина.

– Скажете, что была проверка от газовой службы, колонка признана аварийной и требует замены. Ее покупка, замена газовой разводки по всей квартире, установка оборудования и получение разрешения на ввод в эксплуатацию – это приличные деньги. Отказаться от выполнения этих работ нельзя, закончить их нужно в кратчайшие сроки.

– А если она не поверит? – спросила Зинаида Гилимовна. – Спросит, почему так внезапно?

– Придется поверить. Оборудование по заказу из строя не выходит, – ответил Гуров. – Да и вообще, это уже не ваша забота. Главное, стойте на своем. Дескать, деньги достану, просто на это нужно время. Если мои предположения верны, то они подождут, упускать жирный куш наверняка не захотят.

– Они? Вы о ком? – До женщины вдруг дошло, что Гуров говорит уже не о ее дочери, да и сама она больше не верит в то, что просьбы о деньгах исходят от Ольги. – Так вы полагаете, что Олюшка в руках бандитов?

Гуров вздохнул, с минуту подумал и решил играть в открытую.

– В сложившейся ситуации есть два возможных варианта, – сказал он. – Ольга решила получить с вас деньги сама. Или ее кто-то удерживает силой и заставляет это делать. Так или иначе, но вымогательство налицо. Разбираться с ним придется полиции.

– Но ведь если деньги нужны Оле, то это не будет считаться преступлением, не так ли? – Зинаида Гилимовна вдруг испугалась.

Вдруг она своими руками подставляет дочь под удар?

– Зинаида Гилимовна, не нужно паниковать. – Гуров начал повторяться. – Вы в любом случае не можете отступить, пока не узнаете всей правды. Думаю, вы это и сами понимаете. Теперь вам придется идти до конца, каким бы он ни оказался. Я сейчас уеду, а вы спокойно все обдумаете. Уверен, вы поймете, что по-другому поступить не можете.

Лев Иванович подхватил сумку и, не прощаясь, вышел из квартиры.

Зинаида Гилимовна так и осталась сидеть на стуле, обхватив колени ладонями и уперев взгляд в точку, где еще минуту назад стоял полковник, ее гость.

Глава 3

В Москву Гуров прилетел в половине одиннадцатого вечера, из Внукова долго добирался до дома, поужинал, с женой бытовые вопросы обсудил, спать лег без четверти час. Он долго ворочался, не мог уснуть. Из головы его не шла история Ольги Лахновской. Ему никак не удавалось просчитать схему мошенников до конца.

Сыщику было понятно, что махинация с липовым кастингом организована для того, чтобы найти конкурсантов, готовых расстаться с деньгами ради шанса стать знаменитыми. Обычно в таких случаях организаторы подобных мероприятий устанавливают взнос за участие в отборочном туре. Сумму они просят небольшую, триста-пятьсот рублей с носа. И участникам не накладно, и им прибыль. Пара сотен участников, и какие-то деньги у тебя в кармане. Минус аренда и дорожные расходы. Не так много на круг получается, но подобными аферами обычно и занимаются мошенники мелкого пошиба.

Риск в этом случае минимальный. Из-за потери трех сотен мало кто в полицию с заявлением пойдет, да подобные заявления там вряд ли рассматривать станут. Разве что по горячим следам, пока мошенники из города не уехали. Если и прижучат их правоохранители, то, как это ни прискорбно, они могут откупиться или попросту все бросить и сбежать. Эта схема Гурову была понятна.

Но в случае с Лахновской сложилась иная ситуация. За участие в отборочном туре денег ни с нее, ни со Смолькиной никто не требовал. Только после того как мнимая победа открыла для девушек новые возможности, им было предложено сделать взнос за вступление в «высшую лигу». По крайней мере, такое предложение озвучил один из организаторов конкурса, когда общался с Настей Смолькиной.

Гуров полагал, что таким образом мошенники проверяли, как далеко готов пойти тот или иной конкурсант. Определенный резон в этом был. Если девушка готова выложить сто тысяч на начальном этапе только за право переехать в Москву, то и дальше работать с ней будет проще.

Вот этот этап аферы Гурову был пока непонятен. Из Мурманска до Москвы Ольга летела одна, билет на самолет приобретала самостоятельно. Выходит, в Москве ее должны были встречать все те же аферисты. По факту получалось, что они похитили ее, а это уже совсем другая статья Уголовного кодекса.

Ради чего все это? Миллионов у девушки нет, у ее матери тоже. Ради тех двух-трех десятков тысяч в месяц, которые они имели с Ольги, не стоило так рисковать. Куда надежнее было бы проехать по нескольким городам, собрать деньги с наивных граждан и исчезнуть. Почему же они выбрали другую схему, заморочились с организацией переезда девушки в столицу?

В судебной практике встречаются случаи, когда мошенники не ограничиваются разовым сбором, а морочат голову жертве не один день, стараются выманить как можно больше денег. Потратив крупную сумму, обманутые граждане, как правило, жалеют ее и упорно не желают признаваться даже самим себе в том, что их попросту облапошили. Они выкладываются еще и еще. Мошенники придумывают все новые и новые способы, пока деньги у их жертв не заканчиваются. Но та же практика показывает, что ни одна мошенническая афера не длится более месяца.

Однако Гуров полагал, что в случае с Ольгой мошенники действовали по другой схеме. Слишком много факторов не вписывалось в общую картину. Целому ряду нюансов не было объяснения.

Возможно, изначально мошенники не планировали доить Ольгу так долго. Сыщик не исключал, что они собирались пару месяцев подержать ее где-нибудь на удаленной даче, создать видимость подготовки к конкурсу, покормить обещаниями, что проект вот-вот зарабо-

тает, а потом просто объявить ей, что шоу отменили, и выпроводить девушку домой. Но Ольга проболталась им о неприкосновенном запасе матери, и у мошенников разыгрался аппетит. Они решили сначала забрать и эти деньги, а уже потом расстаться с Ольгой. Или избавиться от нее.

Только к половине четвертого Гуров забылся тревожным, поверхностным сном.

В восемь утра он уже был на службе. Дежурный сообщил ему, что генерал на месте и ждет его с докладом. Не заходя в свой кабинет, Гуров прошел напрямик к Петру Николаевичу.

Накануне вечером, перед самым вылетом, Лев Иванович позвонил Орлову и сообщил, что возвращается. Тот не стал выяснять подробности поездки, отложил разговор до личной встречи. Поэтому раннему вызову полковник несколько не удивился.

– Ну и чем порадуешь? – встретил его вопросом генерал.

– Порадую ли? – Гуров невесело улыбнулся.

– Говори, как есть. – Начальник Главного управления уголовного розыска нахмурился. – Плохие новости?

– Если вы про то, не напрасно ли я съездил, то нет. Не напрасно, – сказал Гуров. – Зинаида Гилимовна не ошиблась. Ее дочь действительно попала в руки мошенников. Если же про то, есть ли у меня план того, как можно выйти на мошенников, то ответ будет отрицательный.

– Все настолько плохо? – По тону полковника Орлов понял, что дело зашло в тупик.

– Судите сами, – произнес сыщик и выложил генералу результаты расследования, заодно и свои умозаключения.

Выслушав доклад, генерал долго молчал, анализируя информацию, потом вздохнул и проговорил:

– В общем, так. Собирай команду, садитесь и думайте. Не может быть, чтобы не было никаких зацепок. В конце концов, у тебя на руках приметы мошенников. Проштудируйте базу данных. Вдруг да найдутся совпадения. И не кисни, полковник. Ты ведь и не такие узлы распутывал.

– Это понятно, товарищ генерал, только как дело возбуждать? Каков состав преступления?

– Об этом не беспокойся, работай, а юридические вопросы оставь мне, – заявил Орлов. – Чует мое сердце, что дело это нас еще удивит. Ну и чего сидим? Работать пора. – Петр Николаевич махнул рукой, выпроваживая Гурова из кабинета.

Тот встал, козырнул и вышел.

В кабинете его встретил бессменный напарник и верный друг Стас Крячко. Понедельник он провел в суде, давал показания по текущему делу, так что с Зинаидой Гилимовной не встречался, о новом деле, порученном Гурову, узнал от генерала.

– Говорят, ты по морям катаешься? – вместо приветствия поддел Стас товарища.

– По каким морям? – не понял шутки Гуров.

– Баренцево для тебя уже не море? – проговорил Крячко и усмехнулся. – Да ладно, не кисни, сейчас и на Черном не позагораешь.

– Все бы тебе шутить, а у меня забот полон рот, – огрызнулся Лев Иванович, не расположенный к шуткам.

– Да, я уже слышал, – посерьезнев, проговорил Крячко. – Генерал в общих чертах мне ситуацию обрисовал. Девушка пропала. Ты предполагаешь, что преступники удерживают ее силой, вымогают у матери деньги.

– Или же попросту пользуются ее именем, а самой этой девушки давно нет в живых. – Гуров впервые высказал вслух свое самое худшее опасение.

– Даже так? Генералу ты эту версию озвучивал? – спросил Крячко и нахмурился.

– Пока нет. – Лев Иванович отрицательно покачал головой.

– Что так?

– Доказательств никаких. Зачем раньше времени шум поднимать? Чтобы на нас сверху насели?

– Какие есть соображения? Как девушку искать думаешь?

– Хороший вопрос. – Гуров вздохнул. – Есть кое-какие наметки. Требуется мозговой штурм. Думал привлечь ребят из технического отдела, да и аналитиков, конечно.

– Это я мигом организую, – заявил Крячко. – Жди, через пять минут все обладатели мозгов здесь будут.

Толпу народа Стас, разумеется, не собирал. Из технарей он вызвал Костика Павлихина, который не раз выручал Гурова в сложных делах, связанных с финансовыми махинациями разного рода. Из аналитического, как всегда бывало, пришел Валера Жаворонков, а от оперативников – майор Хитенко. С ним увязался новичок Зуйков. Крячко начал было возражать, но за этого парня неожиданно вступился майор. Пусть, мол, поучаствует, уму-разуму наберется. Стас махнул рукой. Ладно, уговорил.

Когда команда собралась, Гуров в общих чертах обрисовал ситуацию:

– Вчера в дежурную часть обратилась гражданка Лахновская с заявлением о пропаже дочери Ольги. Шесть месяцев назад, после прохождения отборочного тура в родном Мурманске, девушка уехала в Москву для участия в телевизионном шоу, оставила матери свой адрес в столице. Все то время, пока дочь жила в Москве, мать по ее просьбе регулярно высылала ей деньги. Периодически от Ольги поступали звонки и сообщения. Две недели назад девушка запросила сумму, которую мать не готова была выложить. Она приехала в Москву, чтобы забрать дочь домой, и выяснила, что по адресу, оставленному в Мурманске, та никогда не проживала. В этот же день Ольга позвонила матери, но та засомневалась, не знала, действительно ли это говорит она или кто-то старательно ее копирует. Мать предположила, что дочь могла попасть в беду, обратилась в полицию. Теперь жду вопросов или версий.

Свои собственные выводы и умозаключения он не стал озвучивать намеренно. Ему хотелось понять, как воспримут факты, изложенные им, остальные участники мозгового штурма. Он по собственному опыту знал, что в любом деле каждый человек изначально представляет картину произошедшего по-своему.

Как и следовало ожидать, вопросы посыпались, как из рога изобилия. Сначала, как сыщик и ожидал, прозвучали самые очевидные версии.

– Квартиру пробили? Может, хозяева врут? Сдают жилье, а налоги не платят, поэтому и не сказали, что у них квартиранты живут.

– Сама сбежать не могла? Надоело ей под мамкиной опекой жить, вот и рванула в Москву.

– Одна уехала? Мать билет-то хоть видела? А то, может, она вообще не в Москве, а мы тут париться будем.

На вопросы Гуров отвечал уже обстоятельно. Когда очередь дошла до результатов поездки, предположения стали вполне конкретными. Едва ли не все участники мозгового штурма сошлись на том, что девушки давно нет в живых, а мошенники тянут с матери деньги от ее имени.

Однако против этой версии тут же выступил Стас Крячко.

– Думаю, девушка жива, – заявил он. – Во-первых, от мертвого тела нужно избавляться. Полгода труп в холодильнике ни один психопат хранить не станет. Его рано или поздно найдут и опознают. Сразу после этого прекратятся денежные вливания. Но главное состоит в том, что сейчас преступники безбоязненно пользуются банковской картой девушки, а идти в банк после ее смерти – это огромный риск.

– Карту пробили? – спросил Костик Павлихин.

– Вчера послали запрос в банк, – ответил Гуров. – Ждем ответа.

– Так чего мы здесь обсуждаем? Может, все деньги, которые мать полгода переводила, так и лежат на карте? – проговорил капитан Зуйков.

В отделе он появился недавно, но уже успел заслужить репутацию чересчур осторожного опера.

– Мы обсуждаем версии, – проговорил Гуров. – Нам необходимо понять, куда двигаться дальше.

– Ерунда все это, – вдруг заявил майор Хитенко. – Можно до одурения версии выдвигать, а с места не сдвинуться. Надо остановиться на одной из них и начинать ее разрабатывать.

– Согласен, – поддержал коллегу капитан Зуйков. – Жива девушка или мертва, начинать все равно с чего-то надо.

– Да, шикарный получился штурм, – глядя на лучшего друга, произнес Крячко. – У меня сразу третий глаз открылся.

Гуров досадливо поморщился, все остальные в недоумении уставились на Станислава, не понимая, о чем идет речь.

– Какой штурм? – озвучил общий вопрос Хитенко.

– Да вот полковнику Гурову для вдохновения чужого мнения не хватало, – ответил Крячко. – Для того он вас и собрал, чтобы вы его мыслительный процесс своими гениальными высказываниями запустили, устроили мозговой штурм.

– Насчет версий, – осторожно вклинился в разговор Жаворонков. – У меня тут вопрос возник.

– Давай, Валера, жги, – поддержал его Крячко. – Может, это как раз то, чего ждал товарищ полковник.

– Для того чтобы провернуть аферу с кастингом, нужна команда. В одного такую махинацию не осилить.

– Правильно говоришь. У нас и есть трое подозреваемых. Лев Иванович привез из Мурманска описание внешности устроителей конкурса, – произнес Крячко.

– Да, я слышал и как раз об этом хотел сказать, – заявил Жаворонков и снова обратился к Гурову: – Так вот, в нашем деле есть по меньшей мере три мошенника. На одну Лахновскую многовато, вам так не кажется, товарищ полковник?

– Хочешь сказать, что делить там нечего? – осведомился сыщик.

– Ну да. Что такое тридцать тысяч по московским меркам? Пыль, – продолжил Жаворонков. – Для того чтобы дело стало по-настоящему прибыльным, нужно куда больше конкурсанток.

– Молодец, Валера, правильно мыслишь, – с улыбкой проговорил Гуров. – Я тоже думаю, что по всем признакам жертв должно быть гораздо больше. Они наверняка есть, только вот как нам их вычислить? Аналогичные дела вел не раз. Мошеннических схем много, но такой, которая точно совпадала бы с нашей, нет ни одной.

– Так это по той причине, что действуют эти ребята не так давно. Еще не успели в органах засветиться, – заметил Жаворонков.

– Выходит, что только случай может помочь нам напасть на их след, – высказался Крячко.

– Не совсем так, – возразил Лев Иванович.

– А вот и нет, – одновременно с ним произнес Валера Жаворонков.

– О как! Хоровые ответы пошли, – с усмешкой проговорил Крячко. – Ну и кого мы первым слушать будем?

– Говори, Валера, – сказал Гуров.

– Товарищ полковник, я лучше после вас, – заявил Жаворонков, привыкший соблюдать субординацию.

– Самый простой способ получить информацию о мошенниках – обратиться в средства массовой информации с просьбой разместить их фотороботы и приложить к ним описание действий этих людей, – проговорил Лев Иванович. – Снимки у нас есть, примерная схема мошенничества – тоже.

– Пустить по всем каналам бегущей строкой, мол, кто пострадал от действий этих людей? Хорошая мысль, – сказал майор Хитенко.

– Однако воспользоваться этой возможностью мы не можем, – тут же произнес Гуров.

– Почему? Так мы и потерпевших получим, и на преступников выйдем. Да еще и предотвратим повторение мошеннических действий. – Зуйков снова решил поддержать майора.

– Да потому, что девушка еще может быть жива. Что будет с ней, если преступники поймут, что разоблачены? – пояснил свое высказывание Гуров. – Вот и выходит, что приметы преступников мы знаем, а воспользоваться ими не можем.

– Зато можем попытаться найти потерпевших, – произнес Жаворонков. – Именно об этом я и хотел сказать.

– Каким образом? – в разговор вступил Стас Крячко.

– Конкурс ведь молодежный, так? – начал отвечать Жаворонков. – Значит, люди должны активно обсуждать его на форумах. А так как проводится он на не вполне законных основаниях, комментарии должно быть раз в десять больше, чем если бы его действительно организовал Первый канал.

– Что нам дадут комментарии с твоих форумов? – спросил Крячко.

– А дадут они реальные факты, – за Жаворонкова ответил Гуров. – Названия городов, где засветились наши молодчики. Будем знать, где они побывали, сможем выяснить и то, удалось ли им убедить кого-то, кроме Лахновской, приехать в Москву. Я все верно излагаю, Валера?

– Так точно, товарищ полковник! – заявил Жаворонков.

– Сколько времени тебе понадобится на эту работу? – взглянув на часы, спросил Гуров.

– Часа два-три, – чуть подумав, ответил Жаворонков. – Постараюсь побыстрее управиться.

– Я помогу, – предложил ему Костик Павлихин. – Вдвоем быстрее выйдет.

– Отлично. Тогда идите, не тратьте время, – приказал им Лев Иванович. – Как только наткнетесь на что-то похожее – сразу зовите.

Жаворонков ушел. Все остальные тоже начали расходиться.

Когда в кабинете остались только Гуров и Крячко, Лев Иванович связался с мурманскими коллегами, выяснил, кто занимался заявлением гражданки Смолькиной, получил номер телефона следователя. После непродолжительной беседы тот пообещал сегодня же выслать ему материалы дела.

Пока Гуров разбирался с заявлением Смолькиной, из банка пришел ответ на вчерашний запрос. Как и предполагал сыщик, денежные средства с карты уходили регулярно, причем не посредством перевода, а путем снятия наличных. В настоящий момент на карте оставались считанные копейки.

В каких именно банкоматах снимались средства, из выписки понять оказалось невозможно. Вместо адресов в каждой графе были прописаны латинские буквы и цифры. Поди разберись, что они означают. Эту задачу Гуров решил оставить на Костика Павлихина. Пусть он помудрит с адресами, может, что-то стоящее из этого и выйдет.

Мурманский следователь обещание выполнил, переслал протоколы опроса свидетелей, описание внешности подозреваемых и их фотороботы. Гуров сразу загрузил снимки в программу и запустил поиск.

В это время ему позвонил Валера Жаворонков и сообщил, что обнаружил первые совпадения.

Лев Иванович оставил Стаса Крячко следить за результатами поиска, а сам пошел к Жаворонкову.

Ловко орудуя компьютерной мышью, Жаворонков начал показывать ему переписку, которая, по его мнению, могла относиться к делу Ольги Лахновской.

– Пока подобных ресурсов всего два. Оба форума общедоступные, но с защитой, – сказал он. – Не стану утомлять вас специфической терминологией, скажу просто. На этих форумах нет возможности удалить тот отзыв, который вам не нравится, как это делается в большинстве случаев.

– Совсем ничего нельзя убрать? – осведомился Гуров.

– Если сообщение не разжигает национальной розни, не содержит террористической угрозы и не призывает к убийствам, то ему ничего не грозит, – ответил Жаворонков.

– Теперь покажи то, что нашел, – сказал полковник.

– Пока мелочовка, но вы ведь сами просили сразу докладывать, – заявил Жаворонков.

На самом деле нашел он немало. На первом форуме обсуждался кастинг, организованный в мае этого года в городе Подольске. К моменту прихода полковника Жаворонков успел порезать часть сообщений, выбросить те, которые не относились к делу.

Начинались записи с обсуждения новости о предстоящем кастинге. Кто верит, кто не верит, реально ли победить. Кто собирается участвовать, какие требования предъявляются, и все в таком духе. Дальше шли посты с фотографиями костюмов, видеоролики с отснятыми клипами. Их Жаворонков удалил по максимуму.

Потом люди начали обсуждать шансы конкурсантов. Кто победит или провалится, один понравился, а другой нет.

Комментарии самих конкурсантов пошли позже. В основном они ругали организаторов. Зал – полный отстой, оборудование – дешевка, члены жюри – сельские учителя пения. В двух или трех комментариях конкурсанты открыто заявляли, что организаторы конкурса – вымогатели. Они требуют сотни тысяч за право поехать в Москву. Им снова кто-то верил, кто-то нет.

Жаворонков акцентировал внимание на тех сообщениях, где так или иначе описывались приметы организаторов конкурса и членов жюри. Совпадений с теми субъектами, которые организовали аферу в Мурманске, оказалось предостаточно, выдержки из постов заняли четыре листа. Валера заявил, что это еще не предел.

Пока Гуров просматривал информацию, к ним подтянулся Костик Павлихин. У него информации набралось еще больше. К полудню на руках у полковника оказались данные с восьми форумов. С ними он и вернулся в кабинет.

– Спешу тебя обрадовать, – выдал Крячко, как только Гуров перешагнул порог. – Ни одного совпадения по твоим мурманским мошенникам. Последнюю базу проверить осталось, но я думаю, и там глухо.

– Зато у Валеры с Костиком совпадений хоть отбавляй, – сказал Лев Иванович и потряс распечаткой переписки с форумов. – Теперь надо бы еще придумать, как эту информацию использовать. – Он расположился за столом, разложил распечатки и задумался.

Крячко подсел ближе, взял листок наугад, мельком пробежал его взглядом, отложил в сторону и недовольно проворчал:

– Не понимаю, что за галиматью люди пишут.

Гуров коротко изложил ему суть переписки, объяснил, на что надо обращать внимание. После этого сыщики погрузились в работу. Время от времени в кабинет заглядывали то Жаворонков, то Павлихин, приносили новые распечатки. Сначала дело шло туго, потом опера втянулись в него, и оно пошло быстрее.

Около пяти часов им пришлось взять тайм-аут. Материалов накопилось столько, что обработать их вдвоем не представлялось возможным.

– Думаю, того, что есть, будет достаточно, – сказал Гуров и отодвинул стопку листов в сторону. – Теперь начнем систематизировать. Я тут кое-что набросал, посмотрим, что можно использовать.

На систематизацию времени ушло меньше, но все равно немало. В итоге набралось шесть городов, в которых поработали аферисты. Максимальное количество полезной информации имелось по Северодвинску, Петрозаводску и Орску.

– Думаешь, есть смысл объезжать эти города? – наблюдая за выражением лица друга, спросил Крячко.

– Однозначно есть, – ответил Гуров. – Здесь нам эта информация бесполезна, а на месте будет очень кстати.

– Каков наш план? Приехать в Орск, ходить по улицам и показывать фоторобот подозреваемых каждому горожанину в возрасте от пятнадцати до тридцати лет в надежде на то, что кто-то из его друзей или родственников окажется жертвой мошенников?

– Включай мозги, Стас. – Лев Иванович поморщился. – Сейчас перед тобой листы печатного текста. Каждая запись сделана живым, совершенно реальным человеком. Зайдя на его страничку в соцсетях, ты узнаешь о нем достаточно. Имя и фамилию, возраст, город и место учебы. Разве этого мало?

– Не хочу тебя расстраивать, но все не так прозрачно, как нам с тобой хотелось бы, – заявил Станислав. – Неужели тебе неизвестно, что восемьдесят процентов информации о владельцах страницы придуманы ими самими? Все, вплоть до возраста. Да еще и профиль закрытый.

– Это все, что у нас есть. – Гуров устало потер лицо ладонями. – Разделим города, поедем и на месте разберемся.

– Черт побери, а я надеялся, что ты придумаешь что-то попроще, – то ли в шутку, то ли всерьез проговорил Крячко.

– Есть вариант и проще, – ответил на это Лев Иванович. – Можно начать тупо писать всем участникам форумов, сидеть и ждать, пока они нам ответят. Один бог знает, сколько это продлится, но в итоге нам все равно придется к ним ехать.

– Думаешь, что погоня за призраками по всей стране займет меньше времени? – Стас скептически поджал губы.

– Встреча вживую не заменит безликой переписки, – проговорил Гуров. – По мне это лучше, чем сидеть и ждать, когда случайный прохожий обнаружит тело Ольги Лахновской в какой-нибудь сточной канаве.

После его слов в кабинете повисла гнетущая тишина. Сыщики понимали, что ситуация сложная. Эти слова Льва Ивановича вполне могут стать реальностью.

Гуров думал о том, какой бой ему предстоит выдержать в кабинете генерала. Он с трудом выбил поездку в Мурманск на один день, а тут и сроки неизвестны, и городов, которые предстояло объехать, довольно много.

Крячко же размышлял о том, насколько муторная работа предстоит им. Ехать за тысячи километров, убеждать ленивых подростков прийти на встречу, а потом пытаться угадать, что из их слов правда, а что галимая выдумка. Не факт, что эти мытарства действительно помогут выйти на мошенников, хитростью заставивших Ольгу Лахновскую уехать из родного города.

– Можно делегировать свои полномочия коллегам на местах. – Станислав Васильевич предпринял еще одну попытку переубедить друга. – Сколько у нас городов получилось? Шесть? Нет, пять. В Мурманске ты уже был. Начинаем переписку с конкурсантами с форумов. Как только нападаем на след, посылаем на встречу местных оперативников, получаем от них подробный доклад о ее ходе, а потом...

– Да брось, Стас. Ты ведь не хуже меня знаешь, что это не сработает, – перебил напарника Гуров. – Скажу еще, что сидеть в кабинете и играть в испорченный телефон, это не по мне. Я иду к генералу выбивать командировку. Ты со мной? – Лев Иванович поднялся, собрал свои записи и направился к двери.

– Куда же ты без меня? – со вздохом проговорил Крячко. – Ты и генерала уговорить не сумеешь. Эх, и за что мне такие страдания?

– Идем, артист, перед Орловым выступать будешь. – Гуров улыбнулся и добавил: – Надеюсь, он сегодня в хорошем расположении духа, иначе туго нам придется.

Глава 4

«Наконец-то хоть что-то начинает проясняться. Не зря, нет, не зря ты, Гуров, свой хлеб ешь! Вот она, реальная зацепка. А Стас ворчал, злился. Мол, впустую катаемся, бесполезное занятие. Что он теперь скажет?»

Полковник Гуров торопливо шагал по проспекту Ленина, обязательному для всех городов бывшего Союза, и невольно улыбался. Ни слякоть под ногами, ни хмурое небо не в силах были испортить ему настроение, потому что на площади Шевченко у здания Театра имени Пушкина его ждала удача.

На самом деле она сопутствовала ему уже с того момента, когда они со Стасом Крячко уломали-таки генерала Орлова, выбили разрешение на поездку по городам из списка, составленного накануне. Добро Орлов дал скрепя сердце, от расстройства даже особо не вникал в детали.

– Оформляйте документы, – сказал Петр Николаевич и выпроводил их из кабинета.

Все же это была удача, та самая капризная дама, которой ничего не стоит отвернуться от тебя или же совсем исчезнуть с горизонта. Зачастую она так и поступала, но только не в этот раз. Ей было угодно обратить свое благосклонное внимание на него, полковника Гурова, при распределении городов. Все населенные пункты из списка располагались довольно далеко и от столицы, и друг от друга. Чтобы не усложнять процесс дележки, старинные друзья написали названия городов на бумаге и просто тянули жребий.

Стасу Крячко досталась Карелия и северные города, а ему – Урал, в том числе город Орск. Приехав сюда, он даже не надеялся на такую удачу, поселился в дешевой гостинице, подключился к бесплатному интернету и начал прорабатывать список с форума. Сыщик писал всем подряд и молился, чтобы хоть кто-то откликнулся не через неделю, не через месяц, а сегодня.

Жаворонков объяснил ему, что тема устаревшая. Для молодежи она интереса уже не представляет. Поэтому бурной реакции ждать не стоит.

Тот же Жаворонков дал Льву Ивановичу дельный совет, предложил писать не от себя, а от имени пострадавшего конкурсанта. Еще в Москве он создал для Гурова и для Крячко левые странички в соцсетях и набросал примерный текст первого сообщения, чтобы полковники слишком сухим слогом не отпугнули людей, желающих пообщаться на данную тему.

Рассылка заняла часа два, а дальше пошло время ожидания. Как ни странно, ответов Гуров получил немало. Поначалу они были односложными, выдержанными в молодежном стиле, не содержали никакой информации. Однако Лев Иванович проявил настойчивость. К трем часам дня у него завязалась довольно интересная переписка с тремя девушками, бывшими конкурсантками.

Сыщик выяснил, что организаторы этого мероприятия не требовали ни от одной из них выложить круглую сумму за право переехать в Москву. Гуров было отчаялся, но тут в переписке проскользнула фамилия девушки, подруга которой якобы все-таки уехала в Москву. Эти сведения бывшая конкурсантка почерпнула не в социальных сетях, а в учебном заведении, где, как известно, сплетни распространяются так же быстро, как и в интернете.

Гуров выяснил название вуза. Пока он добирался туда, почти все студенты уже разошлись по домам. Все же приехал сыщик не напрасно. В учебной части он предъявил удостоверение и получил доступ к спискам учащихся. Имея на руках примерное название факультета и фамилию девушки, Лев Иванович начал искать ее.

Тут ему снова повезло. Одно только то обстоятельство, что она была не Иванова, Петрова, Сидорова, а Бердышева, упростило задачу на порядок. Таких студенток в институте

набралось с десятков, и только две из них учились на гуманитарном направлении, которое и интересовало полковника.

Алла Бердышева заканчивала последний курс по специальности «Безопасность жизнедеятельности» и планировала стать учителем. Проживала она довольно далеко от института, в поселке Новая Биофабрика. Судя по году рождения, девушке исполнилось двадцать восемь, следовательно, в институт она поступила не сразу после окончания школы.

Вторая Бердышева, Эвелина, изучала информатику и в этом году перешла на второй курс. Она жила в студенческом общежитии, расположенном в непосредственной близости от учебного заведения. Поэтому вопрос о том, к какой из этих девушек идти в первую очередь, отпал сам собой.

Комендантша общежития потребовала от сыщика предъявить удостоверение, долго и дотошно его изучала. После чего эта дама устроила ему допрос с пристрастием, пытаясь выяснить цель визита. Затем она прочитала визитеру лекцию о правилах поведения в общежитии, огласила распорядок дня и все имеющиеся запреты, а под конец огорошила известием о том, что искомая особа в данный момент в общежитии отсутствует.

– Будет после двадцати одного часа, – заявила комендантша. – Студентка подрабатывает сиделкой. Смена ее заканчивается в двадцать тридцать, после чего работодатель привозит ее прямо к порогу.

Пришлось Гурову менять планы, заказывать такси. Он созвонился с Аллой, договорился о встрече и поехал в поселок.

Времени поездки отняла много, а пользы не принесла никакой. Алла Бердышева ни в каких конкурсах никогда не участвовала, и подружки ее тоже. Более того, она даже не слышала о том, что в городе проходил какой-то кастинг, а в социальных сетях ни в какие группы не вступала и комментариев на форумах не оставляла. Для большей убедительности девушка позволила сыщику просмотреть свои странички в социальных сетях.

Даже на консервативный взгляд Льва Ивановича жизнь Аллы Бердышевой оказалась на удивление скучна и однообразна. Месяцами обсуждать, какой вид вязки лучше подойдет для ковровой дорожки, каким средством вывести ржавчину с раковины, нормально в семьдесят, но никак не в двадцать восемь лет.

От Аллы Бердышевой Гуров вышел с тяжелым осадком на сердце. Эта девушка оказалась полной противоположностью Ольги Лахновской. У нее не было никаких амбиций и мечтаний. В своей жизни она не допускала никакого риска.

В общежитии, куда Лев Иванович вернулся после посещения Аллы, его ждала совсем другая атмосфера. Эвелина Бердышева еще не вернулась. Строгая комендантша недвусмысленно намекала полковнику на то, что ждать ее следует в вестибюле, однако Гуров все-таки прошел внутрь. Он заявил этой даме, что подождет девушку где-нибудь в комнате отдыха.

Тут же выяснилось, что таковой в студенческой общаге не имелось, зато на каждом была кухня. Это место для общения подходило даже лучше, чем комната отдыха.

Эвелина жила на втором этаже. Кухня, которой она обычно пользовалась, располагалась точно напротив лестницы. Студенты, человек восемь юношей и девушек примерно одного возраста, делили пространство возле плиты и раковины. В помещении стоял гомон и смех.

Гуров вошел в кухню и огляделся. Скромная комната на два окна, вдоль стен обшарпанные столы на металлическом каркасе, две раковины ближе к двери и три электрических плиты. Вот и весь интерьер. Ни занавесок на окнах, ни цветов в горшках на подоконниках. Запах всевозможных специй смешивался со слабым душком плесени, идущим от стен вокруг раковин и старого дощатого пола.

Студенты весело болтали, готовили ужин, нисколько не смущаясь бедностью обстановки и неприятным запахом. Обстановка в комнате дышала дружелюбием и молодостью.

Приход полковника не остался незамеченным. Как только он вошел, восемь пар глаз обратились в его сторону.

Вперед выступила невысокая девушка с короткой стрижкой, в брюках-шароварах.

– Доброго вечера вам, – звонким голосом за всех поздоровалась она.

– Спасибо. И вам доброго вечера, – в тон девушке ответил Гуров.

– Вы к нам с проверкой? – задала вопрос девушка. – Если так, то готовьте блокнот.

– Зачем блокнот? – Лев Иванович невольно заулыбался.

– А вы не улыбайтесь, через пять минут вам совсем не до улыбок станет, – предостерегла его девушка. – И не думайте, что я шучу. Который месяц просим кран починить, а он как тек, так и течет. От ваших проверок пользы ноль.

– Серьезная поломка? – поддержал разговор Гуров. – Самостоятельно никак не справиться? Вон у вас парней сколько. Поменять прокладку, или что там полетело, это же минутное дело.

– Да мы бы поменяли, если бы ваша комендантша нам по рукам не настучала. – Теперь вперед выступил долговязый парень с большим носом и огромными прыщами по всему лицу. – Я тот раз Тимофеевне так и сказал. Дескать, не лезли бы вы в наши дела, вся общага как конфетка уже выглядела бы.

– А Тимофеевна, стало быть, все лезет? – не удержался от иронии Гуров.

– Вместо того чтобы подкалывать, вы на Тимофеевну повлияли бы.

– Пусть не лезет или ремонтирует.

– От этой протечки тараканы по всей общаге расползлись. Пешком ходят и не здороваются.

– А в туалете когда бачок смените?

– В душевой из четырех кабинок всего одна работает. Это нормально?

Жалобы посыпались, как из рога изобилия. Студенческая команда, минуту назад мирно стряпавшая ужин, налетела на полковника, как торнадо.

Гуров тут же пожалел о том, что решил пошутить по поводу крана. Видно было, что накопело у молодежи основательно. Пока не стало поздно, Лев Иванович решил пойти на попятный.

– Прошу прощения за то, что ввел вас в заблуждение, – сказал он. – Я не проверяющий, Тимофеевну не знаю и представителем ее не являюсь.

– Отпад! А мы тут распинаемся, – сердито проговорила та самая девушка, которая первой завела разговор.

– Еще раз простите, виноват, – извинился Гуров.

– Если не проверяющий, то кто? – прозвучал вопрос из толпы.

Сыщик не успел заметить, кто его задал, но все восемь пар глаз снова скрестились на нем. Парни и девушки ждали ответа.

– Полковник Гуров Лев Иванович, – представился он.

– Из военных, что ли? – снова прозвучала реплика из толпы.

Гуров собрался ответить, но долговязый парень его опередил, сказал, чуть понизив голос:

– Из полиции он.

После этого заявления в комнате повисла тишина. Слышно было только, как вода в кастрюлях кипит да падают на пол капли из-под текущей раковины.

Сыщик лихорадочно соображал, как исправить ситуацию, и тут за его спиной прозвучал мелодичный женский голос:

– У нас кто-то умер?

Гуров оглянулся.

В дверях стояла симпатичная девушка, довольно высокая, в яркой куртке, с волосами невообразимого цвета. При ее появлении студенты заметно расслабились и начали потихоньку возвращаться к своим делам.

– Привет, Эв! Ты снова пропустила самое интересное. Тут у нас полный зашквар, – выдал долговязый парень и поспешил присоединиться к друзьям.

Гуров больше никого не интересовал. Только девушка с разноцветными волосами рассматривала его с нескрываемым интересом, прямо как некое невиданное существо.

– Здравствуйте, – после небольшой паузы проговорила она. – Вы правда из полиции?

– Правда, – подтвердил Лев Иванович и задал встречный вопрос: – «Эв», это сокращенно от «Эвелина»?

– Угадали, – ответила девушка и улыбнулась.

– Тогда я к вам, – заявил Гуров. – Эвелина Бердышева, ведь так?

Девушка подтвердила и это, а заодно поинтересовалась, с какой стати ею интересуется полиция. Сыщик объяснил ей суть дела, и она предложила ему пройти в комнату, чтобы поговорить в спокойной обстановке.

В самом начале разговора полковник выяснил, что насчет подруги, которая уехала в Москву, конкурсантки с форума не ошиблись. Приятельница Эвелины действительно участвовала в кастинге, который проходил три месяца назад, и получила приглашение на участие в шоу. Только вот, по словам Эвелины, уехала она не одна.

Гуров попросил ее поделиться подробностями, что девушка и сделала. История оказалась и банальной и печальной одновременно.

Эвелина и ее лучшие подруги, Лиза и Лика, воспитывались в детском доме в Оренбурге, год назад окончили школу, получили аттестаты и решили поступать в институт. В Оренбурге провалились, а в Орске прошли. Год отучились и, довольные собой, пошли на каникулы. Отдых шел своим чередом, когда Лика увидела в социальных сетях объявление о проведении кастинга на столичный конкурс «Голос года».

С этого все и началось. Лика всю жизнь мечтала о сцене, Лиза же спала и видела себя москвичкой. В том, что кастинг проводился в Орске, обе усмотрели некий знак судьбы, и сколько Эвелина их ни убеждала, слушать ничего не хотели. Они зарегистрировались для участия в кастинге, прошли конкурс, после чего примчались в общежитие с блестящими глазами и заявили, что уезжают в Москву. Их отобрали из двухсот претендентов, а это что-то да значит.

Уже перед самым отъездом Лика призналась подруге, что за право продолжать участие в Москве они должны выплатить вступительный взнос по сто тысяч рублей с носа. Эвелина ужаснулась. Это же почти все, что осталось от выплат, которые им отмерило щедрое государство по окончании школы, после необходимых трат на бытовое обустройство. Что это за конкурс такой, за участие в котором надо заплатить?

Эвелина не доверяла организаторам этого мероприятия. Она высказала свои сомнения Лике, а та отмахнулась. Зачем кому-то их гроши? Для Москвы сто тысяч – два раза на тусовку сходить. К тому же оплачивать взнос они будут уже в Москве. Да, организаторы конкурса сами озвучили это условие. Встреча на вокзале, обустройство в арендованной квартире, за которую необходимо внести аванс, пока шоу не наберет обороты, а уж после все траты им компенсирует руководство телеканала. Глупость несусветная, но она сработала. Девушки согласились на все.

К началу сессии им обещали дать что-то вроде отпуска, чтобы не провалить экзамены и не лишиться места в институте. Эвелине же предстояло все это время прикрывать девушек.

В принципе, до сегодняшнего дня проблем с этим не возникало. Эвелина занимала должность старосты, учиться ей нравилось. Сдать две лишних работы по текущим дисциплинам для нее не составляло особого труда, тем более что в современных реалиях рукописные работы уже не требовались.

Первое время Эвелина за подруг беспокоилась. Писали они редко, звонить вообще не пытались. Однако постепенно она пришла к выводу, что ошиблась насчет организаторов конкурса. Три месяца девушки жили в Москве и, судя по отзывам, были вполне довольны.

Визит полковника из уголовного розыска разбудил в ней прежние сомнения. Почему полиция интересуется конкурсом и его организаторами? Это значит, что подругам грозит опасность? Такие вопросы задала Эвелина, как только закончила рассказ.

Гуров отмалчиваться не стал. Он рассказал девушке про Зинаиду Гилимовну и ее дочь Ольгу, про свою поездку в Мурманск, озвучил личные выводы относительно организаторов конкурса. Затем сыщик проговорил, что надеялся найти в Орске доказательство того факта, что мошенники тянут деньги не только с Лахновской, и попытаться как-то выйти на них.

Эвелина подтвердила предположения полковника насчет денег. Того ежемесячного пособия, которое получали студенты-сироты, Лике и Лизе не хватало, хотя изначально они и говорили, что в Москве будут жить на всем готовеньком. За три месяца Эвелина трижды переводила им деньги. Подработка сиделкой приносила ей не особо большой доход, но как не помочь подругам? Сегодня она их поддержит, завтра – они ее.

Прежде Эвелина не считала поведение подруг каким-то подозрительным. Новое место, иные правила, возможно, весьма строгие. Девушкам просто не до развлечений.

Теперь же, когда полковник рассказал ей про Лахновскую, она стала анализировать ситуацию и пришла к выводу, что их общение всегда выглядело как-то странно. Эвелина писала подругам, рассказывала о том, как идет обучение, что нового в институте, какие смешные случаи произошли в общаге. Девчонки же больше отмалчивались или присылали короткие сообщения, дескать, у нас все хорошо, да и то не чаще одного раза в неделю. Отправляли они их не с телефона, а с компьютера, пользуясь социальными сетями. И никаких фотоснимков.

– Совсем ни одного? – спросил Гуров.

– Если не считать того, первого, то ни одного, – ответила девушка.

Лев Иванович тут же зацепился за эту ее фразу, начал выяснять, что это за снимок, когда и кем он был отправлен. Оказалось, что в день приезда в столицу Лиза звонила ей, причем дважды. Уезжали Лиза и Лика поздно ночью, Эвелина провожала их на вокзал. До Москвы ехать предстояло около полутора суток, девушки должны были прибыть туда утром. При расставании они условились, что обязательно позвонят Эвелине, как только окажутся на месте.

В десять часов утра Лиза сделала это и пожаловалась подруге, что организаторы конкурса не встретили их на вокзале. Вместо этого они позвонили им и велели ехать на какую-то отдаленную станцию пригородных поездов. Мол, там вас ждет машина. Эвелина не удержала в голове название станции. Слишком много времени прошло с того разговора. Но она хорошо помнила, как около двух часов дня снова заработал ее телефон.

Звонила Лиза, голос которой звучал приглушенно и как-то обеспокоенно. Она сказала, что у нее совсем нет времени, она просто хочет, чтобы Эвелина знала, что их все же встретили. Эти люди отобрали у них телефоны, сославшись на строгие правила адаптации, зато повезут на шикарном джипе.

«Как же ты звонишь, если телефон у тебя отобрали?» – задала вопрос Эвелина.

Услышав это, подруга рассмеялась и заявила, что с детдомовских времен терпеть не может любые правила и всегда найдет способ их обойти.

На этом разговор прервался, а Эвелина вспомнила, что у Лизы всегда было два телефона. Она решила, что та обманула организаторов конкурса, отдала им один телефон, второй же оставила у себя.

Через некоторое время на ее страничку пришло сообщение. Это был снимок джипа. Рядом с ним стояли Лика и какой-то мужчина. Автомобиль и правда выглядел шикарно. Большой, черный, стекла с тонировкой, на крыше металлическая конструкция с дополнительными фарами.

Еще Эвелина вспомнила, что на фото был виден номер автомобиля. Не весь, часть его загораживали ноги мужчины. Цифры и буквы она не помнила, это фото со своей страницы давно удалила, так как не имела привычки копить сообщения и пересматривать их.

Гурова чуть инфаркт не хватил, когда девушка сказала ему, что удалила фото. Ведь номер автомобиля – это уже реальная зацепка. Сыщик тут же начал звонить Костику Павлихину, выяснять, нет ли возможности восстановить удаленные сообщения, но сделать это оказалось невозможно. Джип «Тойота» черного цвета с дополнительным освещением на крыше – вот все, чем он мог оперировать.

Лев Иванович оставил Эвелине свой номер телефона, попросил ее позвонить, как только подруги выйдут на связь, и ушел.

Разочарование сыщика оказалось настолько велико, что в этот день перечитывать сообщения в социальных сетях и отвечать на глуповатые комментарии молодежи он был уже не в состоянии. Вернувшись в гостиничный номер, полковник наскоро перекусил и лег спать.

Утром его разбудил телефонный звонок. Это была Эвелина. Радостным голосом она сообщила Льву Ивановичу, что нашла человека, у которого сохранился тот снимок Лики на фоне джипа. К часу дня он снова будет у нее.

Гуров поинтересовался, почему только к часу. Неужели нельзя получить его раньше? Ведь пересылка фотографии занимает никак не больше десяти секунд.

Оказалось, что Эвелина отправила фото Андрею, давнему воздыхателю Лики. Два последних года он учился вместе с подругами, был по уши влюблен в Лику, но признаться ей в своих чувствах так и не решился. Писать девушке он тоже стеснялся, поэтому все новости о возлюбленной узнавал через Эвелину. В тот раз он написал ей спустя два часа после того, как Лиза прислала фото. Эвелина рассказала ему про отъезд девчонок в Москву и выслала снимок. Почему-то ей захотелось, чтобы у парня осталось хотя бы фото Лики.

Вчера, после того как полковник ушел, она вспомнила об этом и написала Андрею. Тот ответил только утром, писать не стал, позвонил. Он, как и всегда, начал расспрашивать о Лике, но ответы Эвелины оказались настолько уклончивыми, что парень забеспокоился и заявил, что отдаст фото только при личной встрече.

Что оставалось делать Эвелине? Только согласиться.

Андрей жил в Оренбурге. Ехать туда Эвелина не собиралась, зато Андрей ради сведений о любимой девушке готов был ехать хоть на край света. Что уж говорить о каких-то трехстах километрах, тем более когда в твоём распоряжении личный автомобиль.

«К часу дня буду, – заявил он. – Называй место».

Эвелина выбрала Театр драмы, о чем и сообщила Гурову.

Теперь он шагал навстречу удаче, был абсолютно уверен в том, что на этот раз вытащил козырную карту и теперь расследование пойдет полным ходом.

Когда Гуров подошел к центральному входу в театр, Эвелина уже была на месте. Рядом с ней стоял молодой человек, на лице которого была написана изрядная озабоченность.

Эвелина поздоровалась со Львом Ивановичем, познакомила его с парнем и заявила:

– Теперь вы можете обойтись без меня.

– Что значит «без тебя»? – Андрей заметно растерялся. – Ты ведь обещала все рассказать!

– А вот товарищ полковник тебе все и расскажет, – невинно поморгав ресницами, проговорила Эвелина. – Я знаю не больше твоего.

– Нет, так дело не пойдет. Снимок я обещал отдать тебе. Так и сделаю. И вообще, пока не узнаю, что здесь происходит, можете на меня не рассчитывать, – заявил парень.

– Спокойнее, молодой человек! Я советую вам попридержать эмоции, – строго произнес полковник. – Вас не на пикник пригласили, так что личные представления о том, как все должно происходить, оставьте при себе.

– Я не понимаю, что происходит, – пробубнил тот.

– Вам, Эвелина, тоже придется остаться здесь, – не обращая внимания на реплику Андрея, сказал Гуров. – С этого момента вы являетесь свидетелями, несете ответственность за свои показания. Хотите вы того или нет, но вам придется подчиняться моим требованиям.

Девушка сникла, но осталась на месте. Лев Иванович не собирался устраивать допрос с пристрастием, тащить молодых людей в полицейский участок и снимать с них показания под протокол. Он просто хотел ускорить процесс, избавить себя от препирательств с этой молодежью. Дальше дело пошло быстрее.

– Где снимок? – осведомился сыщик.

Андрей достал телефон и показал полковнику фотографию. Джип был снят с неудобного ракурса. Человек, сделавший это, находился на приличном расстоянии от машины и явно не имел возможности навести камеру как следует. Все же использовать эту картинку в расследовании Гуров мог.

Номерной знак попал в объектив. На нем явственно был виден код региона. Две последние буквы и крайняя цифра получились расплывчато, но сыщик знал, что для техников из отдела это не проблема.

Девушка на снимке, Лика, выглядела растерянной, но не испуганной. В принципе, она так и должна была чувствовать себя в чужом городе, с малознакомыми людьми. Однако что-то в ее позе цепляло глаз полковника, настораживало его. Что именно, он понять пока не мог.

На заднем плане виднелись дома, часть улицы и автомобильная дорога. Гуров надеялся, что по этим фрагментам удастся определить место. Теперь ему было с чем работать.

Андрей переслал фотоснимок на телефон полковника. После этого тот в общих чертах рассказал о своих предположениях относительно судьбы девушек. Он предупредил Андрея и Эвелину о том, что информация, доведенная до их сведения, является сугубо конфиденциальной. В интересах дела она должна оставаться таковой.

Затем Лев Иванович напомнил Эвелине про то, как ей следует поступать, если от Лики и Лизы снова придет сообщение. Вслед за этим он велел парню и девушке отправляться по домам и держать язык за зубами.

Прощаясь с ним, Эвелина вдруг заплакала. До нее наконец-то дошло, что подруги попали в реальную беду.

– Зачем я их отпустила? – сквозь слезы проговорила она. – Надо было настоять, сказать, что не стану прикрывать, не буду писать за них контрольные и лабораторные. Тогда они наверняка остались бы здесь.

– Не думаю, что вы могли как-то повлиять на решение ваших подруг. – Гуров говорил искренне, поэтому слова его звучали убедительно. – Они все равно уехали бы. Даже если бы вы заявили в полицию, когда узнали про вступительный взнос, то все равно не смогли бы повлиять на ход событий.

– Почему? Тогда вы посадили бы мошенников, и Лиза с Ликой остались бы дома, – сказала Эвелина.

– Мы не посадили бы их, – заявил Гуров. – Для этого у нас просто не было бы оснований.

– А теперь они есть? – вклинился в разговор Андрей.

– И теперь нет, – честно признался Гуров. – Но есть надежда на то, что они появятся. Лично я на это очень рассчитываю. Вы тоже надейтесь. Андрей, позаботься о девушке. Мне пора возвращаться в Москву. – Лев Иванович протянул парню руку.

Тот крепко ее пожал, пожелал полковнику удачи, проводил его взглядом, после чего все свое внимание сосредоточил на Эвелине. Он подвел ее к подержанной «Ниве», старенькой, но

надежной, усадил на пассажирское кресло, бережно пристегнул ремень безопасности, порылся в бардачке, достал бумажные полотенца, вложил в ладонь девушки. Потом Андрей занял водительское кресло, завел машину и вырулил на дорогу.

– Я отвезу тебя к себе, – не терпящим возражений тоном заявил он. – Не нужно тебе оставаться одной в таком состоянии.

– Мне на учебу надо, – проговорила Эвелина и всхлипнула.

– Учеба подождет, – отрезал Андрей. – Пару дней поживешь у меня, а там посмотрим.

Эвелина промолчала. У нее не было ни сил, ни желания возражать. В какой-то степени ей было приятно, что Андрей все решил за нее. К черту независимость и самостоятельность. Пусть кто-то другой думает о том, что делать с бедой, так внезапно обрушившейся на ее голову. Сейчас ей хотелось залезть под одеяло и долго-долго спать.

Глава 5

Когда Ольге исполнилось восемь, отец взял ее с собой в Ярославль. Для него это была всего лишь очередная командировка на судоремонтный завод, для нее же – очень увлекательное путешествие. Еще бы! Девочка впервые в жизни увидела другой город. Он оказался настолько не похож на то, к чему она привыкла, что первые несколько часов Оля физически не могла говорить, просто онемела, да и все тут.

Отец тормозил ее, шутил, подбрасывал в детстве в воздух, как малышку, а она распахнула глаза, таращилась на невиданные диковинки и молчала. Башни, храмы и парки, центральная площадь, размеры которой восьмилетняя девочка не могла себе вообразить, заворожили ее.

– Что это? – спросила она, когда голос к ней вернулся.

– Это Красная площадь, – проговорила женщина, идущая мимо, и улыбнулась.

– Почему красная? Она же вся серая, – заявила девочка.

Отец рассмеялся, подхватил ее на руки и прошептал в самое ухо:

– Правильно, девочка. Настоящая Красная площадь есть только в Москве.

Но Ольге и той площади, которая была в Ярославле, хватило за глаза. Пока отец пропадавал на заводе, улаживал там производственные дела, она сидела перед окном в гостинице и впитывала в себя суету и шум крупного города. Как ей все это нравилось! Запах бензина, смешанный с зеленью деревьев и благоуханием цветов. Сутолока у светофоров на перекрестках, непрерывный поток машин, магазинные витрины, величественные, по ее детским меркам, фасады домов, увешанные рекламными надписями. Гомон людских голосов, высокий, монотонный и все равно завораживающий.

Как только отец освобождался, она тащила его на улицу. Они выходили на тротуар, долго шли, куда глаза глядят, а дорога все не кончалась. Девочка видела дома, парки, скверы, памятники и фонтаны. Глаза у нее разбегались. Только к полуночи отцу удавалось уговорить дочку вернуться в гостиницу. Он ловил такси, усаживал дочь на заднее сиденье и называл адрес.

Ольга изо всех сил старалась не закрывать глаза, чтобы не пропустить ни одной детали, но усталость брала свое. Наутро она просыпалась в постели, а последнее, что могла вспомнить, – это захлопывающаяся дверь такси и сочный голос отца, называющий адрес.

Вернувшись домой, Ольга еще три месяца находилась в возбужденном состоянии. Ярославль не сходил с ее языка. Мать обеспокоенно качала головой, а отец жалел, что поленился и не довез дочь до столицы.

– Ничего, Олюшка, ты обязательно попадешь в Москву. Уверен, ты влюбишься в нее с первого взгляда. Москва – это твой город, дочурка. – Так заканчивался любой разговор отца и дочери в течение трех месяцев.

А потом все кончилось. То ли мать запретила отцу упоминать о столице, то ли бытовые проблемы сбили его настрой, только больше он про столицу не говорил.

Не упоминала о ней и Ольга, но забыть не могла. Вспоминая величие Ярославля, она спрашивала себя, если этот город таков, то какова же тогда Москва? Втайне от родителей девочка начала создавать собственный музей Москвы. Она собирала вырезки из старых журналов, фотографии и распечатки картинок из интернета, статьи и просто сплетни. Ей годилось все.

Вскоре в доме появился компьютер, и родители разрешили Ольге им пользоваться. Первый запрос, который она ввела в поисковик, содержал всего одно слово. Информация, полученная в ответ, занимала многие тысячи страниц.

Вот когда у Ольги наступили шикарные времена. Она и правда влюбилась в столицу. Заочно, без посещения, но на всю жизнь. Отец оказался прав. Еще не побывав в Москве, Ольга считала этот город своим.

Как-то она рассказала отцу о своем мини-музее.

– Давай-ка посмотрим, что там у тебя, Олюня-леденец, – в своей шуточной манере проговорил отец, взглянул, покачал головой и заявил: – Для начала сойдет. Москва – очень красивый город. Ты сама в этом убедишься, а потом, кто знает, может, и в Париж переберешься.

С тех пор он начал знакомить дочь с европейскими городами, в красках расписывал ей их возможности и перспективы. О Европе Ольга тоже мечтала, но все равно не так, как о Москве.

Она не спрашивала отца, когда именно он повезет ее в столицу, терпеливо ждала, пока ей исполнится четырнадцать. Вот тогда Оля непременно напомнит отцу о том, как он обещал поехать с ней в Москву и лично наблюдать за тем, как она влюбляется в огромный мегаполис.

Перед своим четырнадцатилетием Ольга несколько месяцев готовила речь, которая помогла бы ей убедить отца в том, что откладывать поездку больше нельзя. У нее просто не хватает терпения, не осталось его ни капельки. Ольга была уверена в том, что отец ей не откажет, а мать поворчит, но препятствовать точно не станет.

А как иначе? Она ведь их Олюня-леденец, папина любимица, краса и объект обожания. Почему не подарить ей поездку, тем более что и повод есть.

В день рождения, когда гости произносили тосты в честь именинницы, Ольга никак не могла решиться озвучить отцу свое заветное желание. Только когда все разошлись и они отправились на кухню мыть посуду, Ольга прижалась щекой к его плечу и вздохнула.

– Чем опечалена моя принцесса? – сразу спросил отец.

Тут-то она и напомнила ему про обещание.

Отец потрепал ее по голове, слегка отстранился, чтобы видеть глаза дочери, и объявил:

– Получишь паспорт, и сразу рванем.

Какое же это было счастье, знать, что твоя мечта вот-вот сбудется. Семь счастливых дней, пока ждала паспорт, Ольга летала, как на крыльях. Она перебирала свои старые заметки, составляла маршруты предстоящих прогулок и всем подругам просто уши прожужжала насчет того, что совсем скоро ступит на Красную площадь, единственную, настоящую, столичную.

В день, когда Олюне нужно было идти получать паспорт, отец отвез ее в пункт выдачи на машине. Ничего особенного, просто подбросил по пути на работу, но Ольге было приятно. Обрато она пошла пешком. Ей хотелось насладиться теплой погодой, да и спешить особо было некуда. Каникулы шли полным ходом, к подругам идти девушка не желала, а отец должен был вернуться домой только к вечеру.

Прошло пять лет, а тот день она помнила до мельчайших подробностей. Оля шла прогулочным шагом по скверу, слушала пение птиц, размахивала новенькой сумочкой, подаренной на день рождения. Красная кожа под крокодила, блестящая пряжка вместо замка, цепочка. Вещь выглядела стильно и дорого.

Ольга представляла себе, как пройдет по Арбату, вот так же размахивая сумочкой, держась за руку отца. Как маленькая? Ну и пусть! Зато приятно.

Она поднялась на свой этаж, и ее настроение вдруг резко бухнуло вниз. Девушку захлестнуло предчувствие беды. Оно как волна накрыло Олю с головой и понесло в темные глубины.

Дверь квартиры была открыта. Оттуда, из-за нее, доносился плач. Что это? Почему?...

Такого не случалось никогда, сколько Олюня себя помнила. В их доме плакать могла только она. «Не входи! Не надо, – пронеслось у нее в голове. – Лучше беги подальше отсюда. Задержись хоть на короткий миг там, в прошлом, где все хорошо, никто не плачет. Останься там!»

Но она не убежала, осторожно вошла в прихожую.

Соседка с первого этажа увидела ее, сокрушенно покачала головой, смахнула слезы и проговорила:

– Горе-то какое, Олюшка!

На ее голос из комнаты вышла еще одна женщина.

Она взглянула на Ольгу, перевела взгляд на соседку, ахнула и сказала:

– Так она же не знает. Анна, тащи валерьянку!

«Что я не знаю?» – хотела спросить Ольга, но голос не слушался ее.

Входить в комнату ей было почему-то страшно, вот она и стояла на пороге собственного дома с неммым вопросом в глазах и тяжелым предчувствием на сердце.

В итоге соседка все-таки рассказала Ольге о том, что произошло. Она отвела ее в спальню, напоила валерьянкой и уложила в постель, несмотря на то что стрелки часов еще и до одиннадцати утра не дошли.

– Поспи, – велела ей соседка. – Вот горе-то и утихнет.

Спать Ольга не могла. Как можно уснуть, когда твой мир рухнул? Предлагать такое, это же просто бесчеловечно! Все равно что безногому сказать: «Попрыгай, тебе понравится». Нет, это даже намного хуже.

Много позже Ольга узнала, как все произошло. Отец успел доехать до порта, подняться на второй этаж, в бухгалтерию, и даже подписать бумаги на краткосрочный отпуск, взятый в честь именин дочери. Там ему стало плохо. Молоденькая бухгалтерша усадила отца на стул, налила стакан воды, повернулась, а он уже мертв. Это был инфаркт, смерть, неожиданная для человека, регулярно проходящего медицинские осмотры, и оттого еще более нелепая.

После этого Ольга закрылась, замкнулась в себе, отгородилась от всего мира. Люди сочувствовали, ее жалели, ей все прощали, полагали, что она скорбит о безвременной кончине горячо любимого отца. И лишь она одна знала правду.

Девушка не скорбела, она злилась. Злоба и ненависть заполнили все ее существо, от кончиков пальцев до корней волос. Она душила, разрывала изнутри, сводила с ума. Ольга захлебывалась, боялась, что стоит ей сказать хоть слово, и все это вырвется наружу. Тогда все узнают правду и перестанут ее жалеть.

Само по себе это не имело значения. Чужая жалость ей не нужна, ей просто нужен покой, а его-то она точно лишится. От этого она злилась еще сильнее. На отца, на смерть как таковую, на несправедливость жизни, на тупую необходимость что-то делать. Почему нельзя просто лечь и лежать? Кому от этого станет хуже?

Она и лежала, насколько ей позволяли обстоятельства. Все лето девушка провела в постели, вставала лишь в туалет да что-то в желудок закинуть, когда мать особо доставала.

За два дня до начала учебного года та привела в дом врача-психиатра. Он выписал Ольге лекарства, велел ей раз в месяц приходить на прием. А еще доктор категорически запретил девчонке лежать.

В первый же визит он буквально вытащил ее из постели, вынудил причесаться, одеться и выволок на улицу. А еще доктор заставил Ольгу говорить. Он задавал и задавал ей вопросы, повторял их до тех пор, пока она не начинала отвечать на них.

Это было ужасно, невыносимо. Ей хотелось кричать, хотелось обругать доктора всеми мерзкими словами, которые имелись в ее лексиконе, ударить его и бить до тех пор, пока он не завизжит от боли! Вместо этого она тащила за ним по улице и отвечала на идиотские вопросы.

Вот тогда девушка всю ненависть перенесла на доктора. Она ненавидела его даже больше, чем смерть, которая лишила ее мечты. Два долгих года Ольга лелеяла свою ненависть, пока не поняла, что его терапия сработала. В один прекрасный день она проснулась и поймала себя на мысли о том, что радуется наступлению нового дня, даже улыбается!

Что это? Как такое возможно? Ее мир рухнул, а она!.. Невероятно. Этот вопрос она так и не задала доктору, просто перестала к нему ходить.

Девушка постепенно, шаг за шагом возвращалась в мир, к людям, к нормальной жизни. В один из холодных зимних вечеров она скучала от безделья и решила перебрать свою шкатулку с вырезками. Ольга открыла ее и поняла, что как бы ни были сильны ее злоба и ненависть ко всему из прошлого, но мечту о Москве они убить не смогли. Еще она сообразила, что мысли о столице ее успокаивают, поднимают настроение и избавляют от хандры.

С тех пор Москва снова стала ее заветной мечтой, главной целью, которую Ольга считала недостижимой. Однако в один из дней она вдруг задала себе вопрос. Почему, собственно, ей нельзя поехать в столицу? Умер ведь отец, а не она! А раз Ольга жива, то почему нет? Она обязательно это сделает, просто обязана так поступить. Отец сказал, что это ее город, а она привыкла ему доверять во всем.

Тот день оказался предопределяющим в ее судьбе, хотя поняла она это совсем недавно. С того дня Ольга как одержимая снова бредила только Москвой.

Вот куда завела ее эта одержимость. Знал бы отец, к чему приведут его слова! Почему она не послушала мать, настояла на своем, даже посоветоваться не захотела?

Эти вопросы Ольга прокручивала в голове непрерывно, день за днем, ночь за ночью. Она понимала, что повторять их смысла нет, и все равно делала это. Как же невероятно глупо все вышло! Надеяться на то, что Москва ждет ее, провинциалку, с распростертыми объятиями, это ведь верх безумия. А может, она и правда с головой не дружит? Не просто же так с ней психиатр несколько лет работал.

Нет, безумной девушка не была. Даже в тех условиях, в которых оказалась по своей глупости, она сумела выстроить определенную линию поведения, чтобы не сойти с ума.

От неприятных воспоминаний Ольгу передернуло. Она плотнее укуталась в тонкое одеяло, сжалась в комочек и попыталась отогнать их от себя. Но они упорно возвращались назад, сверлили мозг, не давали расслабиться, заставляли решать неразрешимую задачу. Что делать, как выпутаться из этой передраги?

Где-то вдалеке послышался скрип. Ольга напряглась. Ничего хорошего для нее этот звук не предвещал.

«Проклятье, когда же это кончится? – подумала она, и сердце ее сжалось от страха и отвращения. – Нет, долго я так не выдержу. А куда мне деваться? Некуда! Разве что и правда с катушек слететь, но это по желанию не происходит. Я уже по себе знаю, что могу много чего выдержать и не тронуться умом. Те ученые мужи, которые утверждают, будто психика человека является очень хрупкой субстанцией, – полные кретины! Знали бы они, что я уже выдержала».

Скрип повторился, и Ольга машинально начала отползать в угол. Не так давно похитители перевели ее в эту комнату, по сравнению с прежним жильем – просто королевские палаты. Только вот она с превеликим удовольствием вернулась бы на свой тюфяк, к мокнущим бетонным стенам и помойному ведру, заменяющему туалет. Здесь можно было ходить в унитаз, мыться в душе, но то, что требовалось от нее взамен, оказалось во сто крат хуже любых бытовых неудобств.

Ухо девушки уловило едва слышные шаги, и сердце ее предательски заколотилось от страха. За то время, что она провела здесь, ее слух обострился, научился воспринимать малейшие звуки и распознавать их. Сейчас кто-то даже не шел, а крался по коридору. Ольга знала, кто это.

«Господи, помоги мне! Пусть он пройдет мимо! Только не сегодня, прошу, Господи!»

Ольга не слишком верила в силу молитвы. По большому счету, она даже не понимала, что делала, но продолжала взывать к тем высшим силам, в которые не верила и помощи от них на самом деле не ждала.

Скрип прекратился. Ольга зажмурилась, замерла, не двигалась, чтобы ни один шорох не долетел до слуха того человека, который стоял за дверью. Она даже молиться перестала, будто опасалась, что ее мысли тоже могут издавать шум.

Время тянулось очень медленно. Ей казалось, что прошла вечность, хотя на самом деле прошло никак не больше одной минуты. В голове у нее образовалась какая-то пустота, мышцы свело судорогой, липкий ужас поднимался все выше и выше. Ольга испугалась, что сейчас закричит, не выдержит напряжения. Тогда ей тут же придет конец.

Тут пустоту в голове залило волной горячей молитвы. Никогда прежде она ничего не просила так горячо, как делала это сейчас.

«Господи, Боженька, миленький, ну где же ты? Помоги мне! Прошу тебя, приди, спаси меня от этого ужаса! Боже, как же мне страшно. Не отдавай меня ему, молю тебя, только не сегодня. Когда угодно, но не сейчас. Ты ведь должен быть добрый, так защити меня».

Ольга так горячо молилась, что чуть не пропустила важный момент. За дверью вдруг послышался шум, как будто кто-то слетел с лестницы.

Затем по коридору разнеслась грубая матерная брань, и другой, женский голос спросил:

– Вик, какого хрена ты тут делаешь?

– Иди спать, я разберусь. – Этот ответ прозвучал совсем рядом с дверью, ведущей в комнату Ольги.

– Я спрашиваю, что ты вообще здесь делаешь? Ты что, к ней пришел? – В голосе женщины послышался гнев, а может, и ревность. – Ублюдок, тебя же предупреждали!

– Заткнись, Марго, я просто замки проверял, – недовольно ответил мужчина. – Иди спать, я уже уйду.

Ольга услышала звук удаляющихся шагов, но не сразу поверила в свое спасение. Минут десять еще она лежала, вцепившись в одеяло и боясь пошевелиться. Когда же до нее дошло, что гроза миновала, она выдохнула и разрыдалась.

Узница не знала, насколько хороша здесь звукоизоляция и слышен ли ее плач наверху, но ничего не могла с собой поделать. Рыдала она долго и безутешно.

– Мамочка, мамулечка, услышь меня! Спаси свою Олюшку. Мне очень плохо без тебя, мамочка, – сквозь неуправляемые рыдания причитала она. – Я буду послушной девочкой, только найди меня.

Постепенно плач опустошил девушку и затих. Ольга откинулась на подушку и уставилась в потолок.

Вдруг где-то возле изголовья она услышала стук. Этот странный звук, раздавшийся неожиданно, сразу после пережитого стресса, заставил ее снова вздрогнуть. Ольга затихла и прислушалась.

Стук повторился. Два коротких промежутка между ударами, один долгий. Что это? Азбука Морзе? Но откуда?

Ольга спрыгнула на пол, прижалась ухом к стене, прислушалась. Звук не повторялся. Время шло, а она все стояла, прислонившись к стене, вслушиваясь в тишину.

«Скорее всего, мне это показалось, – решила она и снова легла в постель, но стук не шел у нее из головы. – А если постучать самой? Быть может, кто-то отзовется? Но сделать это мешает страх. Я не знаю, что происходит там, за стеной, и кто подавал сигнал. Вдруг это кто-то плохой? Настолько, что лучше об этом вовсе не знать».

– А если хороший? Если там друг? – Эти вопросы прозвучали вслух, но Ольга этого не заметила.

С некоторых пор у нее появилась привычка разговаривать с самой собой. Ничего удивительного, если учесть, что последний раз нормальных людей, а не всяких выродков, она видела на автовокзале, когда приехала в Москву. Ольга не знала, как давно это было. У нее не было календаря, часов, вообще ничего.

Все же девушке очень хотелось верить в то, что стук за стеной не является выдумкой ее воспаленного сознания. Она горячо желала, чтобы там оказался реальный человек, настоящий, хороший.

«Но как это узнать? Допустим, я постучу и услышу такой же в ответ. Что дальше? Азбуки Морзе я не знаю, поэтому ничего не смогу понять. Ну и плевать! – Ольга внезапно разозлилась. – Пусть я ничего не пойму, зато буду знать, что не одна. Разве этого мало?»

Тут в коридоре вновь послышались шаги. Услышав их, Ольга застонала.

«Проклятье, сама на себя беду накликала этими мыслями. Теперь ты довольна? Чего ты добилась своими размышлениями? Только хуже сделала». – Девушка снова вступила в мысленный диалог сама с собой.

К счастью, ее опасения оказались напрасными. Шаги стихли, не доходя до двери. Ольга замерла в ожидании. Пойдет дальше или вернется? Никто не пришел.

Зато в стену снова кто-то постучал. Все те же два коротких промежутка, один долгий.

Больше Ольга не раздумывала, прижалась ухом к стене и тоже постучала тем же манером два раза подряд. После небольшой паузы снова стук с другой стороны повторился, только теперь он изменился. Ольга насчитала три коротких промежутка между ударами, после три длинных и снова три коротких.

– Эй, кто там? Чего вы хотите? – прижав губы к стене, вполголоса произнесла Ольга.

Она надеялась на чудо. Вдруг эти люди услышат ее через стену?

Однако там воцарилась тишина.

Ольга подумала, что отпугнула их голосом.

«Наверное, они тоже боятся, что их услышат наверху. Если так, то мое поведение точно их не радует. Хватит импровизировать, надо просто копировать рисунок ударов. Рано или поздно там, за стеной, поймут, что я не понимаю их сигналов. Кто знает, может, тогда они придумают что-то другое?»

Она старательно воспроизвела последнюю серию ударов. Три коротких, три длинных, три коротких. Ольга не дождалась ответа, повторила стук, но никакой реакции на свои действия не получила. Она подождала еще и снова простучала последний сигнал. Ответа опять не последовало.

Тогда девушка решила исследовать стену. Вдруг в ней где-то есть трещина или отдушина? Она внимательно осмотрела стену перед собой. Из чего она сделана? Раньше ее этот вопрос не занимал, теперь же ситуация изменилась.

Стена выглядела добротно. Всю ее покрывал толстый слой декоративной штукатурки бледно-голубого цвета. В углах возле самого потолка штукатурка прилегала неплотно, но разве туда доберешься? Стульев в комнате не было, а кровать оказалась настолько низкой, что и пробовать не стоило. Если поднять ее и поставить торцом, то шум услышат наверху, и тогда мало не покажется.

«Спокойно, не паникуй, ты еще только начала. – Ольга попыталась взбодриться. – Подумай, что можно использовать, проверь всю стену, не ленись».

Она вернулась к стене и принялась ощупывать ее сантиметр за сантиметром. В строительстве она ничего не понимала, но сообразила, что под штукатуркой должен быть кирпич.

«Надо найти место, которое не будет бросаться в глаза, и попробовать отбить там штукатурку, – рассуждала Ольга. – Между кирпичами всегда есть швы. Расковырять их и вынуть один, это же не так сложно».

Единственное место, которое не бросалось бы в глаза, находилось за спинкой кровати. Спинка шла цельным куском от пола до верха изголовья. Открыть стену за ней можно было, только отодвинув кровать от стены, но на это Ольга решиться не могла. Любой шум для нее означал неприятности. Она не была готова к ним, тем более ради возможности общения неизвестно с кем.

Девушка поняла, что ее план провалился, вернулась к стене и принялась отстукивать тот же самый ритм. Три коротких, три длинных, три коротких. Она стучала то громче, то тише, делала небольшой перерыв и начинала снова стучала, уже не ждала, что ей ответят, но остановиться не могла.

Чем дальше Ольга отбивала этот ритм, тем более убеждалась в том, что он ей знаком.

«Где ты могла это слышать? – Этот вопрос в ее голове возник сам собой. – Постарайся вспомнить».

Она начала перебирать все фильмы, которые когда-то смотрела, прочитанные книги, но сообразить, откуда ей знаком этот ритмический рисунок, так и не смогла.

Когда костяшки ее пальцев заломило от боли, девушка бросилась на постель, прижала ладони к глазам и какое-то время лежала так, не думая ни о чем. В голове у нее крутился ритм, который она только что отбивала.

Находясь где-то на границе между сном и явью, Ольга вдруг вспомнила, где слышала подобное сочетание ударов, и от удивления аж подскочила на постели. Как она могла забыть?

Отец рассказывал ей историю про рыбаков, попавших в жуткий шторм. Сколько лет ей тогда было? Шесть-семь? Может, и меньше, но история произвела на нее неизгладимое впечатление.

Рыбаки на крохотном суденышке шесть часов боролись с разбушевавшейся стихией и победили. Они вышли в море, чтобы заработать денег, хотели купить подарки для своих маленьких сыночков и дочек.

Погода в море всегда непредсказуема. Беды не предсказывал никто, даже синоптики. Ветер совершенно неожиданно сменил направление, а вместе с ним изменилась и погода.

Шторм застал рыбаков далеко от берега. Вернуться по огромным волнам они не могли. Зайти в порт им не удалось бы. Волны попросту разбили бы суденышко о причал.

Тогда рыбаки решили остаться в море и подать сигнал бедствия. Его названия маленькая Ольга тогда не запомнила. Ее больше интересовало, как выглядит этот сигнал, который подают люди, когда терпят бедствие. Отец показал его дочери, отстукал ритм на столешнице кухонного стола.

Ольге он настолько понравился, что она просила отца повторять его еще и еще. Того забавляла ее непосредственность, и он стучал снова и снова.

Потом эта история забылась. Вместе с ней ушел и ритмический рисунок сигнала бедствия. Теперь же подсознание выудило информацию из недр памяти и выложило ее перед Ольгой.

«SOS. Спасите наши души. Вот что пытались сказать мне те люди, которые находятся за стеной, – пронеслось в голове Ольги через пелену сна. – Они, как и я, терпят бедствие и хотят, чтобы их спасли. Как это печально. Эти бедолаги обратились не по адресу. Я не в силах им помочь. Вот почему они перестали стучать. Пленники вроде меня им нисколько не интересны».

Ольга тяжело вздохнула и провалилась в сон, тревожный, не приносящий облегчения.

Глава 6

Из Орска Гуров убыл в половине пятого вечера. Полет длился чуть меньше трех часов, но благодаря разнице во времени в московском аэропорту самолет приземлился в начале шестого. На то, чтобы добраться из Шереметьева до центра города, тоже требовалось время, но даже с учетом пробок его оставалось достаточно. Лев Иванович успел заехать в управление.

Снимок автомобиля, который три месяца назад увез Лику и Лизу, полученный от Андрея, сыщик сразу, еще из Орска, отправил в технический отдел с соответствующими комментариями. Парням предстояло восстановить номерной знак и попытаться определить место, где была сделана фотография. Теперь полковник надеялся получить результаты, поэтому и спешил в отдел. Конечно, они без проблем могли быть высланы на его почту, но он предпочитал живое общение, когда есть возможность задать дополнительные вопросы и помозговать над снимком всей командой. Из аэропорта Лев Иванович позвонил дежурному и попросил передать технарям, чтобы они дождались его приезда.

Сидя в такси, он попытался переговорить со Стасом Крячко. Тот не ответил на вызов. Наверное, в Петрозаводске, где он в этот момент должен был находиться, связь работала из рук вон плохо. Или же либо Стас в очередной раз забыл включить звук.

«Ничего, он непременно сам проявится, если что-то полезное накопает», – подумал Лев Иванович.

О том, что старинный друг возвращается в Москву, Стас еще не знал. Его телефон был недоступен весь день, а посылать сообщение Гуров не стал.

Таксист высадил полковника на перекрестке.

Тот дошел до пропускного пункта и там столкнулся с генералом Орловым.

– Ты здесь откуда? – удивленно спросил Петр Николаевич.

– Приехал из Орска, товарищ генерал. – Гуров с трудом скрыл досаду.

Немедленная встреча с генералом никак не входила в его планы. Ему хотелось побыстрее до техников добраться, а не претензии начальства выслушивать.

– Почему не доложил? Телефонные аппараты для чего существуют? – Как и предвидел полковник, Орлов нахмурился и принялся отчитывать подчиненного: – Теперь придется мне возвращаться, снова кабинет открывать. Когда я вас приучу действовать по правилам?

– Товарищ генерал, может, до утра отложим? Там меня ребята ждут как раз по этому делу, – проговорил Гуров. – Соберу побольше информации, успею проанализировать и утром, ровно в восемь, все подробно доложу вам.

– Есть подвиги? – поинтересовался генерал.

– Пока трудно сказать, нужно еще кое-что проверить, поработать с данными, – уклонился от прямого ответа Гуров.

– Хорошо, отложим до завтра, – подумав, согласился Орлов.

Его и самого перспектива тащиться обратно в кабинет не больно-то радовала.

– Крячко тоже вернулся?

– Не могу знать, товарищ генерал, – отчеканил Гуров. – Со мной на связь он не выходил.

– Со мной тоже. – Орлов усмехнулся. – Впрочем, как и ты, Лев Иванович. А должен был.

– Виноват, товарищ генерал, исправлюсь, – сказал сыщик.

Он понял, что выволочки не будет, шутиливо козырнул и проскользнул во внутренний двор, пока генерал не передумал.

В техническом отделе его ждали Костик Павленко и Валера Жаворонков. Оба в приподнятом настроении, со сверкающими глазами.

– Что-то интересное нарыли? – осведомился Гуров.

– Да как сказать. Тут у Валеры версия организовалась. Мы ее обсуждали, чтобы время скоротать, – за двоих ответил Костик.

– Интересная версия? – любопытствовал Лев Иванович.

– Мы расскажем, а вы сами решите, – заявил Жаворонков. – Но сначала пусть Костик отчитается по результатам с фото.

Павленко будто только и ждал команды.

Он тут же взял инициативу в свои руки, развернул монитор так, чтобы Гурову было лучше видно, пощелкал мышью и принялся рассказывать:

– Место, где был сделан снимок, идентифицировать пока не удалось. Я загрузил его в специальную программу. Вот, видите, тестовые точки подсвечены зеленым. Когда программа находит соответствия, они меняют цвет на оранжевый. Если точек соответствия больше шестидесяти процентов от тестовых, то можно считать, что место определено.

– Компьютер выдаст точные координаты этой точки? – поинтересовался Гуров.

– Нет, это работает несколько иначе. – Эти слова полковника рассмешили Костика. – Компьютер выдаст все похожие места. Потом из предложенных вариантов нужно будет выбирать вручную. Чем больше оранжевых точек, тем реальнее шансы попасть в десятку с первого раза.

– Судя по тону, десятка с первого раза – не наш случай. Я прав?

– Не наш, Лев Иванович, – ответил Костик, снова пощелкал мышью, и снимок на экране видеоизменился. – Видите? Оранжевых точек на снимке почти нет. Их процентов десять, может, пятнадцать от силы.

– Это означает, что место определить не удастся?

– Данных, конечно, мало, – заявил Костик. – Ракурс снимка неудачный, поэтому место придется искать вручную. Это займет намного больше времени, но я тут поколдовал, так что результат все равно будет. Завтра с утра займусь этим.

– Добро. По номеру что? – спросил Гуров.

С номером повезло больше. То обстоятельство, что автомобиль зарегистрирован в столичном регионе, было ясно и без экспертиз, а вот буквы и цифры Костик восстановил, подкорректировал яркость и контрастность. Первую букву и цифру номерного знака закрывал мужчина, стоящий у машины, но все остальное Павленко удалось восстановить с точностью до ста процентов. За это Костик ручался головой.

Итак, у техника на руках оказалась часть номера: один, три, РУ. Код региона – семьдесят семь. Согласно правилам использования букв и цифр на номерных знаках, получалось, что возможных комбинаций не так уж много. Помимо этого, по характерным особенностям внешнего вида Костик определил примерный год выпуска автомобиля. Цвет, марка, модификация, год выпуска, регион и большая часть номерного знака – отличный шанс сузить круг поиска до минимума.

– Отличная работа! – заявил Гуров. – Нам осталось отправить запрос в соответствующее подразделение и получить данные по владельцам транспортных средств с совпадающими номерами.

– Уже сделано, – сказал Костик, прочитал одобрение, четко написанное на лице полковника, и довольно заулыбался.

– Вы и это успели. Да, четкая работа, – проговорил Лев Иванович. – Сэкономили мне время, спасибо.

– Вот список, товарищ полковник. Здесь двенадцать автомобилей. – Жаворонков протянул сыщику распечатку. – В электронном виде я отправил его вам на почту, а это так, на всякий случай, если возникнет желание почитать перед сном.

– Может, вы их и по базе пробили? – на всякий случай спросил Гуров.

– Не успели, товарищ полковник, – ответил Жаворонков. – Ответ долго от дорожников ждали. Они не особо торопились, Костику пришлось даже авторитетным именем генерала Орлова пригрозить, только тогда начали шевелиться. С тем, что есть, закончили как раз перед вашим приходом.

– А говорили, что скучали. Версии придумывали, чтобы время быстрее прошло, – напомнил парням сыщик.

– Так это как раз пока ответ из ГИБДД ждали, – проговорил Костик. – Заняться-то больше особо нечем было. Сидели мы тут, фотку разглядывали и версии обсуждали, а потом вы пришли.

– Это не совсем версии, скорее так, кое-какие наблюдения, – добавил Жаворонков. – Ничего глобального.

– Тогда все. До завтра, идите отдыхать. Вы и так потрудились на славу. Теперь пришла моя очередь, – взглянув на часы, заявил Гуров.

– Я могу остаться и помочь вам, – сказал безотказный Жаворонков.

– Сам справлюсь, – произнес Лев Иванович. – Ты ведь сказал, что сводка по владельцам авто у меня на почте, да?

– Все верно, – подтвердил этот факт Жаворонков.

– Отлично, больше мне пока ничего и не нужно. Идите, парни. Завтра всех нас ждет трудный день.

Жаворонков хотел еще что-то сказать, но Гуров уткнулся в распечатку и быстро вышел из кабинета.

– Что же ты промолчал? – сердито проворчал Костик. – Пока полковник не пришел, заливался соловьем, тыкал мне в лицо своей наблюдательностью, а как до дела дошло, так язык проглотил.

– Он же сам сказал, что все версии завтра, – заявил Жаворонков. – Успею еще. Может, это и неважно совсем.

– Вот Гуров и решил бы, важно это или нет.

– Не сказал, ну и ладно. Значит, не нужно было, – отрезал Жаворонков. – Ему все равно сейчас не до наших версий. Не видишь, устал человек. Он, между прочим, прямо из аэропорта сюда приехал.

– Как хочешь. – Костик махнул рукой. – Лично мне твоя версия кажется стоящей, потому я ее и защищаю.

– Пойдем домой, защитник. – Жаворонков улыбнулся. – Гасим свет и отправляемся на покой.

Полковник Гуров в это время загружал данные по владельцам автомобиля в базу данных МВД и даже не предполагал, что в комнате техников разгорелся жаркий спор. Обработка шла медленно. Чтобы не сидеть без дела, Лев Иванович просматривал сведения о владельцах машин. В телефонном разговоре Лиза назвала джип шикарным. На самом деле тот едва тянул на троечку, разумеется, по столичным меркам.

Модель устарела, после нее вышло уже целых пять новых модификаций. По годам джип считался не свежим, по ценовой категории до середнячков недотягивал.

Тот факт, что джип был оснащен дополнительным освещением, а на его крыше появился багажник, говорил о том, что он использовался для активного отдыха, а не как автомобиль представительского класса. Кто-кто, а москвичи такую машину шикарной не считали.

Владельцы автомобилей разнились как по возрасту, так и по полу. Из двенадцати машин четвертья владели женщины, три принадлежали организациям, и только в пяти случаях в паспорт транспортного средства оказались вписаны мужчины. Возраст хозяев этих авто варьировался от тридцати до пятидесяти восьми лет. Местом проживания частных владельцев значи-

лись Москва или Московская область. Организации были зарегистрированы исключительно в области.

Гурова это обстоятельство нисколько не удивляло. Он знал, что хозяева московских фирм предпочитают пользоваться машинами подороже. Для них автомобиль является визитной карточкой. Если у бизнесмена нет денег на дорогой автомобиль, то это значит, что в финансовом плане он не может рассматриваться как надежный партнер. Таковы реалии жизни.

Процедура проверки закончилась, не дав результатов. Ни один из владельцев машин ранее не судился, в качестве ответчика не привлекался, так что зацепиться оказалось не за что.

«Что ж, по крайней мере я попытался это сделать, – размышлял Гуров, складывая бумаги в отдельную папку. – Значит, придется действовать дедовским методом».

Это означало, что весь следующий день сыщику придется объезжать владельцев авто, выбирая очередность по списку или наугад. По результатам встречи Лев Иванович будет решать, стоит ли этот человек пристального внимания, или можно вычеркнуть его из перечня.

Гуров спустился по лестнице, сдал ключи дежурному, перекинулся с ним парой слов и пошел к выходу.

– Товарищ полковник, вас там машина ждет, – вдогонку ему крикнул дежурный.

– Такси? – с удивлением осведомился сыщик. – Я не заказывал.

– Нет, служебная, – пояснил дежурный. – Товарищ генерал распорядился. Сегодня Шустиков дежурит, он вас у ворот ждет.

Попрощавшись с дежурным, Гуров вышел на улицу, отыскал глазами служебный автомобиль.

Сергея Шустиков дремал в салоне. Лев Иванович стукнул по стеклу, привлекая его внимание. Водитель вздрогнул и открыл глаза.

– Доброй ночи, – проговорил сыщик. – Подкинул я тебе работенку, да?

– Это не критично, ночь мне все равно дежурить, а так хоть развлекусь, – сказал Шустиков и открыл дверцу. – Садитесь, товарищ полковник, доставлю в лучшем виде.

Гуров занял пассажирское сиденье, бросил сумку назад и закрыл глаза. Называть адрес не было необходимости. В автопарке на Петровке Шустиков работал лет десять. За это время он успел выучить наизусть, кто где живет. Это было одним из его преимуществ перед водителями-новичками.

Другим, не менее ценным, было умение чувствовать настроение пассажира. Он всегда четко знал, когда нужно развлечь озабоченного сыскаря разговором, а когда стоит помолчать. Сегодня Гуров явно не был настроен на разговоры, поэтому Шустиков завел мотор и молча вырвали на дорогу.

Примерно на полпути к дому у Гурова зазвонил телефон. На связь с ним вышел Стас Крячко. Он рассказал лучшему другу, что в Петрозаводске ему удалось найти конкурсантку из числа тех, которые уехали в Москву по приглашению мошенников. Пообщавшись с родственницей девушки, Крячко пришел к выводу, что это их случай. Тетушка регулярно перечисляла племяннице деньги на протяжении шести месяцев. Буквально два дня назад та попросила ее выслать значительную сумму, объяснила, что деньги нужны ей, чтобы оплатить какие-то крутые курсы сценического искусства.

– Тетка денег пока не перевела, но пообещала сделать это, как только наберет нужную сумму. Я провел с ней разъяснительную беседу, взял координаты и велел деньги не переводить без дополнительных указаний с моей стороны, – проговорил Крячко. – Остальные контакты без перспектив. Не знаю, есть ли смысл сидеть здесь и ждать, проявится ли еще кто-то из конкурсантов, обманутых мошенниками.

– Думаю, что тебе нужно возвращаться, – заявил Гуров, рассказал Стасу про фотоснимок и добавил: – Попробуем что-то выжать из того, что уже нарыли. Если подвижек не будет, то продолжим поиски по социальным сетям.

– Тогда до завтра. Прямой рейс вылетает в полдень. К трем часам я буду в управлении, – сообщил Крячко старинному другу и дал отбой.

Вернувшись домой, Гуров долго сидел на кухне, составлял план мероприятий на предстоящий день. До приезда Крячко он хотел успеть собрать информацию по владельцам джипов. Кто чем дышит, чем занимается по жизни, с кем общается и какую репутацию имеет.

Еще нужно было подумать о том, как использовать данные по операциям с банковской картой Лахновской. Установить у каждого банкомата сотрудника полиции, чтобы поймать за руку того мошенника, который снимает деньги с карты девушки, для Москвы было нереально. Просчитать, в какое именно место преступники придут в следующий раз, – еще сложнее.

Тогда как использовать эту информацию? По этому вопросу нужно было проконсультроваться с сотрудниками банка. Ведь должны же у них быть какие-то алгоритмы действий в нестандартных ситуациях.

Если удастся определить станцию пригородных сообщений, то нужно будет съездить туда. Надежда на то, что спустя три месяца кто-то вспомнит джип и его владельца, была невелика, но практика показывала, что случается и такое. Оказалась же у Гурова в руках фотография автомобиля, которым пользовались мошенники, так почему бы не найтись и свидетелю?

Размышляя над делом Лахновской, Лев Иванович снова и снова задавал себе один и тот же вопрос. Ради чего затеян весь этот риск? Ведь есть масса куда более простых способов отобрать у доверчивых граждан их сбережения. Зачем городить огород, ехать в отдаленные города, арендовать помещения, создавать видимость проведения кастинга, убеждать конкурсантов переехать в Москву, а потом заставлять клянчить деньги у родственников. Все это ради дохода в несколько десятков тысяч рублей? Такая схема выглядела совершенно нерентабельно, и это сводило Гурова с ума.

Около двух часов ночи он приказал себе отложить решение данного вопроса.

«Чтобы не ломать голову попусту, нужно обратиться за консультацией к специалистам, – решил сыщик. – Завтра нужно выкроить на это время и просмотреть аналогичные дела в архиве».

С этой мыслью Лев Иванович и отправился спать.

Утро началось со звонка Валеры Жаворонкова.

«Шесть пятнадцать! Что там у него стряслось?» – успел подумать сыщик, нащупывая кнопку разблокировки экрана.

– Товарищ полковник, я вычислил место! – забыв поздороваться, прокричал Жаворонков. – Это Лобня, железнодорожная станция на Савеловском направлении.

– Валера, это настолько срочно? Ты до восьми не мог подождать? – Гурову была непонятна причина такого возбуждения Жаворонкова. – Через два часа приеду в управление, там и поговорим.

– Я подумал, вы сразу туда захотите поехать. – Жаворонков стушевался, но мысль свою все же высказал и добавил: – Надо бы проверить версию.

– Какую версию, Валера? Шесть утра!

– Я про камеры, – проговорил Жаворонков. – Вчера мы с Костиком это обсуждали, а вам я не успел сказать.

– Так скажи сейчас. – Гуров поднялся с постели, потихоньку вышел из комнаты.

– Наверное, вы правы, это не настолько срочно, – дал задний ход Жаворонков. – Простите, товарищ полковник, поторопился я.

– Выкладывай! Я ведь все равно теперь не усну, – велел ему Лев Иванович.

Речь шла о камерах слежения. Рассматривая фотоснимок, Жаворонков заметил, что сразу несколько прохожих, попавших в кадр, держат в руках фирменные пакеты одного и того

же сетевого магазина. Он предположил, что данное заведение находится в непосредственной близости от площади, на которой припарковался джип. Жаворонков предположил, что на записях камер можно будет найти номер автомобиля целиком. Это избавило бы оперативников от многочасовых, а то и многодневных поисков.

– Определенный резон в твоих предположениях есть, – выслушав Жаворонкова, проговорил Гуров. – Но кое-что ты не учел. Снимок сделан три месяца назад. Так долго записи с камер в коммерческих структурах не хранятся. Максимум, на который можно было рассчитывать, – четырнадцать дней.

– Три месяца? Черт, этого я не знал. – Жаворонков расстроился. – А ведь хорошая идея была.

– Хорошая, Валера, не спорю. Вопрос в другом. Ты что, всю ночь за компьютером провел? Почему данным делом занимался именно ты? Костик же сказал, что сегодня будет над этим работать.

– Да зацепило, товарищ полковник, хотелось поскорее выяснить, сможем мы получить номер целиком или нет, – ответил Жаворонков. – Надо было вчера посоветоваться, а так только ночь зря потерял.

– Ладно, не кисни, не все так плохо, просто придется поработать ногами. Но за заботу все равно спасибо. – Гуров дал отбой и начал собираться на службу.

В управлении он был ровно в восемь, поднялся в приемную к Орлову и прождал почти час, пока не пришла секретарша Верочка. Она сообщила ему, что генерала не будет до обеда, он вызван в верха.

Сыщик чертыхнулся и поплелся к себе. Он жалел потерянного времени, но винить, кроме самого себя, ему было некого. Полковник мог попросить дежурного сообщить, когда придет генерал, но на пропускном пункте сегодня снова нес службу капитан Севрюжний. Гуров не хотел обращаться к нему, вот и потерял час драгоценного времени.

Попав в кабинет, он в первую очередь вызвал к себе Костика Павленко. Тот уже знал о ночном подвиге Жаворонкова и о том, что искать место, где был сделан снимок, больше не нужно, поэтому слонялся без дела. На этот раз Гуров хотел проконсультроваться насчет банковской карты Лахновской. Тут же выяснилось, что Павленко эту тему уже прорабатывал.

– Из банковской распечатки выжать удалось немного, – начал рассказ Костик. – Деньги снимали наличкой, меняли банкоматы. Одним и тем же аппаратом пользовались не более одного раза, благо для Москвы это не проблема. Через сотрудников системы безопасности я пробил все адреса банкоматов.

– Что-нибудь прослеживается?

– Мало данных, к которым можно привязать информацию. Районы разные, время снятия выглядит, как произвольно выбранное. Возможно, от записей с камер польза будет. Нужно посылать новый запрос в банк с требованием предоставить их.

– Как долго они хранятся? – спросил Гуров.

– В среднем шестьдесят дней, но бывает и дольше. Однако дело не только в том, сохранились ли записи. Они, как правило, ужасного качества, лица на них искажены, ракурс безобразный. При желании любой человек может лишь слегка изменить внешность и в результате остаться неопознанным. По такой записи преступников отследить крайне сложно.

– Попытаться все равно стоит. Фотографии девушки у нас есть, данные с камер получим, сможем прогнать через твои программы. Даже если записи некачественные, мы узнаем, сама ли Лахновская снимала деньги, или это делал кто-то другой. – Гуров сделал пометку на листе бумаги и продолжил: – Сегодня отправлю запрос. Если повезет, то завтра у тебя появится новая работенка.

Когда Павленко ушел, Лев Иванович достал записи по владельцам внедорожников. Накануне вечером он распределил их адреса по районам и составил примерный план действий. Сыщик рассчитывал получить одобрение плана у генерала и только потом начинать действовать, но встреча не состоялась. Да и Крячко еще не вернулся. Так что обсудить плюсы и минусы плана оказалось не с кем.

Все же Гуров решил не откладывать начало операции.

«Время и так упущено, – рассудил он. – Если что-то пойдет не так, тогда и буду думать, как исправить ситуацию».

План его сводился к следующему. К каждому владельцу машины он планировал отправить оперативника с одной и той же легендой. Дескать, в Подмоскowie совершено ДТП со смертельным исходом. Водитель с места происшествия скрылся, но свидетели запомнили марку и модель автомобиля. Оперативник должен потребовать предъявить машину для осмотра на предмет свежих следов аварии. На самом деле Льву Ивановичу нужно было выяснить, какой из джипов оснащен багажником и дополнительным освещением.

Если кто-то не захочет предъявлять свою машину к осмотру, то оперативник должен будет выдать такому водителю повестку с требованием явиться на Петровку и передать данные по этому человеку полковнику Гурову. Тот установит за владельцем авто наблюдение, а дальше оперативники станут действовать по ситуации.

Изначально сыщик хотел привлечь в помощь сотрудников ГИБДД, которые в реальной ситуации возникновения ДТП должны проводить расследование, но потом решил обойтись своими силами. Тому было две причины. Во-первых, вводить в курс дела сотрудников другого ведомства и руководить их работой всегда бывает тяжело и в большинстве случаев не особенно продуктивно. Во-вторых, Гуров хотел, чтобы водители понервничали. Ему нужна была провокация, нечто такое, что выбьет из колеи того субъекта, у которого совесть нечиста.

Паника – плохой советчик. Она заставляет преступника совершать необдуманные поступки, выдает его с головой. На это и делал ставку полковник.

Он вызвал к себе майора Хитенко и капитана Зуйкова для проведения инструктажа.

Осторожный Зуйков, как это у него всегда и бывало, начал с вопросов:

– Товарищ полковник, я правильно понимаю, что подозреваемых всего двенадцать? – Он дождался утвердительного кивка Гурова и продолжил: – Из их числа мы должны выявить тех людей, которые установили на крыше своей машины багажник с дополнительными фарами. Конструкция съемная, насколько я знаю. Так что мешает человеку избавиться от багажника?

– Ничего не мешает, – сказал сыщик. – В данном случае мы действуем наугад.

– Если все двенадцать джипов окажутся без багажника или наоборот? – продолжал допытываться Зуйков.

– Значит, будем проверять всех, – заявил Гуров и пожал плечами.

Ответ на этот вопрос казался ему совершенно очевидным.

– Тогда зачем нужна эта схема? Почему нельзя просто взять в разработку сразу всех?

– Ты как первый день в органах, – вмешался в разговор майор Хитенко. – Откуда людей брать?

– Сколько человек задействовано в операции? – Зуйков задал вопрос полковнику, но ответил на него снова Хитенко:

– Сколько-сколько. Ты да я, да мы с тобой.

– И все? – искренне удивился Зуйков. – Товарищ полковник, нас что, всего двое на двенадцать кандидатов?

– Почему же двое? – Гуров невольно заулыбался. – Еще я и полковник Крячко. Он, правда, только к трем подтянется. Самолет из Петрозаводска прилетает около двух часов дня.

– Лев Иванович, не будем время тянуть, – проговорил майор Хитенко. – Диктуйте адреса, с остальным мы на месте разберемся.

Полковник достал списки, протянул майору один лист, другой выложил перед Зуйковым.

– У меня еще один вопрос, – упрямо гнул свою линию Зуйков. – Возможно, обывателю неизвестно, кто должен расследовать ДТП, пусть и со смертельным исходом, но все же как мне реагировать на такой вопрос, если он возникнет?

– Какой вопрос, капитан? Ты что, вчера родился? – Майор Хитенко уже начал жалеть о том, что вступился за капитана, когда тот вызвался поучаствовать в расследовании, проводимом полковником Гуровым.

– На самом деле вопрос законный, – вопреки ожиданиям Хитенко, Лев Иванович встал на сторону капитана. – Кто-то из кандидатов обязательно задаст вопрос, любопытствует, почему к ним пришли люди с Петровки, а не сотрудники ГИБДД, если расследуется дорожно-транспортное происшествие? При чем тут уголовный розыск? На этот вопрос мы отвечаем уклончиво. Мол, сложилась нестандартная ситуация, особые обстоятельства, разглашать которые мы не имеем права в интересах следствия. Если человек чист, то он услышит это и забудет. Показал машину, посочувствовал погибшему. На этом для него инцидент будет исчерпан. А вот для того типа, который замазан в темных делишках, любое упоминание про особые обстоятельства будет служить сигналом. Возможно, дело вовсе не в ДТП. Не исключено, что его уже пасут, и это всего лишь пробный шар.

– Я вас понял, товарищ полковник. – Зуйков удовлетворенно кивнул. – Задача мне ясна. Разрешите выполнять? – Не дожидаясь ответа, он забрал со стола список адресов, которые ему предстояло обработать, козырнул и вышел из кабинета.

– Да, тяжелый случай, – сказал майор Хитенко и озабоченно покачал головой, глядя вслед Зуйкову. – С таким занудством ему до пенсии в капитанах ходить придется.

– Ничего, пооботрется. – Гуров улыбнулся. – Главное, чтобы от работы польза была. Как знать, может, он еще всех нас удивит.

– Ну, разве что за вас преступника поймают, – с усмешкой проговорил майор. – Сейчас найдет водителя вашего джипа, расколется его в три секунды и с готовым чистосердечным признанием в управление притащит.

– Не ерничай, майор. Как бы Зуйков и правда тебя не обскакал, – шутливо поддел его Лев Иванович Гуров. – Ты-то все еще здесь, а он уже на полпути к победе.

Они перекинулись еще парой-тройкой шутливых фраз, после чего майор ушел.

Сыщик решил, что до возвращения Стаса Крячко успеет съездить хотя бы по одному адресу. Себе он взял те автомобили, владельцами которых числились юридические лица, и сейчас собирался в город Красногорск. Владелец одного джипа числился завод по производству упаковочных материалов «Синтеком». Гуров не особо надеялся, что кто-то из сотрудников производства замешан в деле Лахновской. Однако Красногорск располагался всего в часе езды, и проверять объект все равно было нужно. Поэтому полковник и остановил свой выбор на «Синтекоме».

Перед отъездом он успел отправить запрос на изъятие записей с камер видеонаблюдения в банк, дать распоряжение дежурному, чтобы тот не прозевал ответ, и пообщаться с матерью Лахновской. Новостей о дочери у Зинаиды Гилимовны не оказалось. Девушка на связь с ней больше не выходила, и мать подумывала, не лучше ли отправить часть денег, чтобы выиграть немного времени. Гуров убедил женщину подождать еще хотя бы сутки, заверил ее в том, что держит ситуацию под контролем, после чего выехал в Красногорск.

Глава 7

Спуститься по лестнице в шесть ступеней, сделать восемь шагов по коридору, толкнуть дверь. Она непременно должна справиться с этим! Сколько раз Ольга проходила этот путь, одолеет его и теперь.

«Стисни зубы, собери остатки сил и иди!» – приказала себе девушка.

Но ноги ее не слушались, подгибались, тряслись. Если она рухнет на пол, то уже не сможет подняться.

«И что с того? Не поднимусь, ну и ладно. Буду лежать здесь. Кому какое дело до этого? Плевать мне на все!»

Нога ее соскользнула со ступеньки. Какие-то секунды она пыталась удержать равновесие, но сил не хватило. Девушка с жутким грохотом полетела вниз.

«Господи, разве того, что было ночью, мало? Неужели нужно добавить еще? За что мне все это?»

Крик не вырвался из груди, слезы не потекли из глаз, она не потеряла сознание, у нее не разорвалось сердце. Не случилось ничего трагичного, эпохального. Ольга просто повалилась на пол.

Сколько она так пролежала на голом бетонном полу, закрыв глаза, сжавшись в комочек? Силы подняться у нее были, девушка это чувствовала. Не имелось желаний. Теперь она могла думать лишь о том, чтобы поскорее умереть. Вот прямо здесь и сейчас. В одну секунду, быстро и легко.

Как было бы прекрасно ощутить небытие. Говорят, после смерти человек ничего не чувствует. Она считала, что это неправда. Не может такого быть. Человек должен ощущать непередаваемый кайф. Наконец-то он свободен от условностей, тревог, обязательств, глупых привязанностей и всего прочего. Ему не нужна еда и одежда, вообще ничего. Разве это не счастье?

Но Ольга не умерла, только замерзла. Прозрачная шелковая сорочка, разорванная в трех местах, едва скрывала наготу. Тепла она уж точно не давала, а бетон, как известно, не греет.

В конечном итоге холод и заставил ее подняться. Она подползла к стене, уперлась в нее руками, подтянулась и встала на колени, затем сделала еще один рывок и оказалась на ногах. Они тут же предательски затряслись.

– Только посмейте! – вслух пригрозила им девушка. – Попробуйте устроить мне еще один фокус!

Дрожь не прошла, но она поняла, что падение не повторится, и потихоньку, держась за стену, заковыляла к своей комнате.

С каких это пор Ольга стала называть камеру заточения своей комнатой? Впрочем, какая разница! Там постель, тишина и темнота. Не так уж и мало, если вдуматься.

Вот и дверь. Резная деревянная ручка выглядела нелепо на некрашеной доске. Она собрала остатки сил и толкнула створку от себя. Та качнулась, с громким треском ударилась о стену, отскочила назад и врезалась в плечо. Девушка застонала, проскользнула внутрь, свалилась на кровать.

«Только не реветь, – умоляла она сама себя. – Не вздумай! Слезы для слабаков, а ты не такая. Ты не можешь быть слабой, не имеешь права».

Ольга не заплакала, прижала ладони к глазам, лежала и не двигалась. Думала ли она о чем-то? Наверное, нет. Так бывает, когда психика на пределе. Мозг просто отключается, выгоняет из себя любые мысли. Потом, когда усталость начнет постепенно отступать, они вернуться. Назойливые, неотступные, тягостные.

Хуже всего ей становилось вот в такие дни, после посещения гостевого домика. Первый раз она оказалась там примерно через месяц после приезда. К тому времени Ольга уже не

ориентировалась в датах. Похитители отобрали у нее телефон сразу по прибытии в Москву, а отмечать дни, как это делал узник замка Иф, она не догадалась. Да и кто сообразил бы? Разве можно было предположить, что в цивилизованной стране, в самом ее сердце, возможно нечто подобное?

Тот день сохранился в памяти девушки весь, до секунды, до мельчайших подробностей. Именно тогда до нее окончательно дошло, что красивой жизни ей ждать не стоит. Не будет конкурса, знакомств со звездами, сцены, славы и богатства. Москва ее не приняла, вместо награды приготовила наказание за самоуверенность.

Заглушить такие мысли ей помогала физическая боль. Она затрагивала мышцы, кости, внутренние органы и конечности, разрасталась прямо пропорционально относительно душевных страданий, но в какой-то момент становилась ярче, важнее, что ли, заглушала все остальные ощущения. Это было даже хорошо, так как не давало Ольге впасть в отчаяние.

Когда боль доходила до определенного уровня, она заставляла себя подняться и плелась в душ, небольшой закуток, отгороженный клеенчатой занавеской, с пластиковой трубой на уровне глаз и сливным отверстием в полу. Там девушка включала воду и стояла до тех пор, пока все ссадины и царапины на ее теле не начинали гореть. После этого Ольга возвращалась в постель и забывалась тяжелым сном.

Но в этот раз все шло чуть иначе, общий ход событий изменился. Началось с того, что в гостевой домик она попала на самом рассвете. Ни часов, ни календаря у нее не было. Соответственно, ориентироваться в датах и времени девушка не могла, но понять, что солнце только-только поднялось из-за горизонта, была в состоянии. Раньше в домик похитители отправляли ее по темноте, фонари во дворе намеренно или случайно не горели. Дом и двор были скрыты во мраке.

Сегодня она смогла рассмотреть, что из себя представляет место ее заточения. За глухим забором из профильного железа с массивными колоннами из цветного кирпича стоял трехэтажный коттедж. Гостевой дом в два этажа был огорожен отдельным забором в виде живой изгороди. Широкая бетонная площадка перед гаражом, пустая собачья конура и плодовые деревья вдоль всей ограды.

На этом особенности дня не закончились. В домике ее ждал новый сюрприз. Гостей на сей раз оказалось больше обычного, спиртное – крепче, а требования – выше. Выйти из домика она смогла лишь через сутки, только благодаря тому, что визитеры упились в хлам и про нее не вспоминали.

Как выяснилось позже, забыли про Ольгу не только гости, но и те негодяи, которым она теперь подчинялась. Ей пришлось хорошенько постараться, чтобы найти того человека, который должен был отвести ее обратно. Снова неожиданный поворот. До дома она шла с сопровождением, а внутрь ей позволили войти одной.

Это было непривычно. Ольга спускалась по ступеням в полуподвальное помещение, не ощущая на затылке влажное дыхание ненавистных тюремщиков. А еще это оказалось настоящей удачей, потому что на этот раз она возвращалась в комнату не с пустыми руками.

В гостевом доме девушка на целых три часа осталась фактически без надзора. Пьяные храпящие рожи не в счет. Поначалу страх не давал ей пошевелиться, она была уверена в том, что за ней следят, считала, что должна сидеть тихо, быть на месте, когда за ней придут.

Но прошел час, потом еще один. Ольга все сидела и сидела, а никто не приходил.

Тогда в ее голову закрулась шальная мысль:

«А ведь это шанс. Надо попытаться выбраться отсюда прямо сейчас, удрать из гостевого домика и бежать, куда глаза глядят, лишь бы подальше».

Она поднялась и отправилась на поиски выхода. Из комнаты Ольга попала в коридор, дальше спустилась по лестнице на первый этаж, еле дыша, пробралась ко входу, осторожно повернула ручку. Увы, дверь не поддавалась.

Она присмотрелась к зазору между стеной и полотном. Пять круглых пальцев замка плотно входили в металлические пазы, удерживали дверь закрытой.

«Где-то должен быть ключ», – рассудила девушка.

Она осмотрела прихожую, однако мест, где он мог находиться, не увидела.

В коридор выходили всего две двери. Одна почти у входа, вторая у лестницы. Дверь, ведущая в первую из них, оказалась приоткрыта. Заглянув туда, Ольга поняла, что в комнате никого нет. Она неслышно проскользнула в проем, закрыла за собой дверь и огляделась.

Это было что-то вроде кухни, хотя и не совсем доведенной до ума. Плита не установлена, раковины нет. На резных открытых полках расставлены тарелки для закусок, рюмки и фужеры всех сортов и мастей. У другой стены два шкафа с ящиками.

К ним Ольга и направилась. В первом ящике лежали вилки, ложки и тупоносые ножи. Она размышляла лишь секунду, затем вынула один из них и зажала в левой руке.

Собиралась ли девушка применить его как оружие? Эта мысль в голову не приходила. Она взяла нож скорее машинально, чем осмысленно.

Потом Ольга быстро обшарила остальные ящики. Большинство из них оказались совершенно пустыми. В двух или трех лежал всякий хлам. Она осмотрела полки, заглянула в банки с крышками, ровным рядом стоящие в навесном шкафу, однако ключей так и не нашла.

Ее надежда на окна тоже не оправдалась. Их закрывали кованые решетки. Обходить остальные комнаты не имело смысла. Там дело наверняка обстояло точно так же.

Надо было возвращаться. Девушка двинулась к дверям и тут вспомнила про нож. Что с ним делать? Если тюремщики увидят его, ей будет совсем худо, но и расстаться с приобретением она никак не могла.

«Я возьму его с собой, – повторяла Ольга про себя, сжимая нож в ладони. – Не выброшу, да и точка.

Решить-то так можно, но как это осуществить? Спрятать его совсем некуда. Тонкая сорочка тело-то не скрывает, как же мне тогда спрятать нож?»

Она снова пробежала глазами по комнате. В углу висел рулон бумажных полотенец. Девушка стянула его с крючка, задрала сорочку, приложила нож к животу, быстро обмотала талию полотенцами, оторвала конец, закрепила, отпустила руку, сделала шаг. Нож тут же соскользнул вниз и упал на пол.

Она подняла нож и повторила попытку. Полотенца начали разъезжаться. Вся конструкция рассыпалась.

«Он слишком тяжелый, ни за что не удержится, – убеждала себя пленница. – Оставь его, поищи что-то поменьше. Все равно дверь заперта, самой тебе отсюда не выбраться. Если они увидят, что ты прихватила с собой нож, то тебе несдобровать».

Она метнулась к ящикам и начала шарить в куче ненужного хлама. Под руку ей попался штопор с пластиковой ручкой. Металлический винт легко вкладывался в желоб пластика. Ольга швырнула нож в ящик, раскрыла штопор, утопила в слой полотенец и снова сложила, зажала бумагу. Теперь ей оставалось соорудить некое подобие юбки, чтобы ее похитителям казалось, что она просто прикрыла наготу, и надеяться на то, что хитрость сработает.

Девушка потянулась за рулоном и услышала шаги. Кто-то спускался по лестнице.

«Проклятье, мне не успеть! – Она чуть не разрыдалась от отчаяния. – Надо бросать все и бежать в коридор!»

Но все же штопор Ольга оставила при себе. Она быстро обмотала его свободным краем полотенца, скрыла оранжевый пластик ручки, сунула в подмышечную впадину, стянула тонкую ткань сорочки поближе к плечу и выскользнула в коридор. После этого девушка добежала до входной двери, встала лицом к лестнице и замерла.

Шаги приближались. Сердце у нее колотилось так, что ей казалось, будто оно вот-вот выпрыгнет наружу.

«Господи, пусть это будет рыжая!» – взмолилась она.

Эту тюремщицу узница считала самой лояльной из всех, с кем ей пришлось иметь дело. Она никогда не орала на нее, не пыталась унижить и всегда старалась свести контакт до минимума. Может, из природной лени или же из сочувствия, кто знает?

Дверь под лестницей открылась, и Ольга едва сдержала облегченный вздох. Это была рыжая.

– Ты здесь откуда? – спросила та тягучим голосом.

– Вас искала, – солгала девушка. – Кто-то должен отвести меня обратно.

– Обратно? Но ведь это обязанность Марго. – Брови рыжей сошлись на переносице, эта ситуация ей явно не нравилась. – Где она?

– Спит, – честно ответила Ольга.

– Снова напилась? Вот ведь паршивка! – Рыжая брезгливо передернула плечами. – Ладно, пойдем.

На этом пленница и строила свой расчет. Она знала, что эта особа не станет разбираться, где Марго, отправит арестантку обратно, да и дело с концом, лишь бы не напрягаться лишний раз.

Ключи искать рыжей не пришлось. У нее оказался свой комплект. Она уже открыла дверь, вдруг замешкалась, оглянулась и вонзила в Ольгу пристальный взгляд.

Девушка похолодела от страха.

«Неужели она что-то заподозрила, увидела то, что я припрятала?»

Но нет, все оказалось гораздо прозаичнее.

– Да, в таком виде тебе во дворе показываться нельзя, – протянула тюремщица. – Надо что-то накинуть.

– У меня ничего нет, – едва сдерживая волнение, произнесла Ольга.

– Вижу, что нет. Ладно, что-нибудь придумаем, – сказала рыжая, обогнула ее и пошла по коридору к дальней комнате.

Дверь осталась приоткрытой.

«Может, рискнуть? – пронеслось в голове девушки. – Выскочить из дома, как только рыжая войдет в комнату, пробежать по двору до забора. Там деревья высокие, забраться на любое и с него сигануть на улицу. Сейчас день. Там наверняка люди есть. Кто-нибудь да поможет».

Рыжая внезапно остановилась, будто услышала ее мысли, оглянулась, оценила обстановку и проговорила:

– Иди за мной!

Пленница подавила вздох разочарования и поплелась следом за надсмотрщицей.

Та заглянула в комнату под лестницей и удовлетворенно произнесла:

– Кажется, мы нашли то, что искали. – Рыжая оставила Ольгу у порога, прошла в комнату, сорвала с дивана плед, протянула ей и приказала: – Накинь на себя!

Осторожно, чтобы не выронить то, что припрятала, девушка взяла плед и кое-как закуталась в него.

– Чего это ты руками еле ворочаешь? – спросила тюремщица.

– Плечо болит, ударили меня сильно, – не моргнув глазом, соврала Ольга и жалобно добавила, чтобы пресечь дальнейшие расспросы: – Им и трезвым-то без разницы, больно мне или нет, а пьяным и подавно.

– Ладно, не ной. – Рыжая не любила подобных разговоров, наверное, какие-то остатки совести еще тревожили ее. – Пойдем, некогда мне с тобой возиться, у меня своих дел полно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.